

ДУН СИ ЭХО

东西 回响

Дун Си Эхо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69973765

Эхо:

ISBN 978-5-89332-422-8

Аннотация

Психологический детектив «Эхо» (2021) стал не только новым прорывом в творчестве Дун Си (р. 1966), но и ярким событием в литературной жизни Китая. В своем тексте автор новаторски переплетает две истории – расследование жестокого убийства и перипетии в личной жизни женщины-следователя. Роман погружает читателя в реальную жизнь современного Китая со всеми ее экономическими достижениями, социальными противоречиями, размыванием семейных ценностей, безжалостным криминалом и самоотречением служителей закона.

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	12
3	18
4	25
5	30
6	35
7	40
8	46
9	52
10	58
Глава 2	64
11	64
12	69
13	76
14	82
15	89
16	95
17	102
18	109
19	116
Глава 3	122
20	122

22	135
23	145
24	154
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Дун Си Эхо

© Dong Xi, 2021 The first Russian language edition
published by Hyperion P. H.

© О. П. Родионова, перевод, 2023

© Издательский Дом «Гиперион», 2023

All rights reserved

Глава 1

Большая яма

1

Приняв дежурный звонок, Жань Дундун поспешила к указанному участку реки Сицзян, где увидела такую картину: на поверхности воды в двух метрах от берега покачивалось тело женщины – та словно делала отжимания и, устав, плюхнулась, не в силах подняться. Однако, присмотревшись, Жань Дундун поняла, что подобное сравнение здесь неуместно, потому как выйти из такой позы женщина, даже будь она жива, не смогла бы заведомо: правой кисти у нее не было, ее кто-то отрезал. Волосы на голове Жань Дундун зашевелились – кто отважился на такую жестокость?

На берегу толклись шестеро, все – местные любители порыбачить. К Жань Дундун подошел человек, позвонивший в полицию, и рассказал, что видел, как труп постепенно спускался вниз по течению. Утром он подумал, что это какая-то коряга, днем ему показалось, что это сдохшая собака или кошка, и только к вечеру он разглядел, что это человек, а точнее – женщина. Жань Дундун устремила взгляд на пятьсот с лишним метров вверх по течению, куда он указал, – по-

верхность реки выглядела совершенно гладкой, гладкой настолько, будто никакого течения не было вовсе. Вдоль всего берега сплошной полосой тянулись деревья, эта картина наблюдалась вплоть до самого изгиба реки.

— Когда вы начали удить? — спросила она очевидца.

— Как только вышел на пенсию, вот уже как два года.

— Я имела в виду сегодня.

— В девять утра.

— Может, кто подозрительный тут околачивался?

— Тут околачиваюсь только я.

Пока они разговаривали, к ним подоспели Шао Тяньвэй, судебный врач и двое специалистов из уголовного розыска. На ходу поприветствовав Жань Дундун, они сняли ботинки и осторожно зашли в воду, чтобы произвести осмотр. Жань Дундун опросила каждого из шестерых рыбаков, после чего разрешила им разойтись.

Спустя час с лишним судебный врач вытащил труп на берег. Жань Дундун вернулась в управление, где замначальника Ван поручил ей расследовать это дело. Он был уверен, что эффективнее всего в поисках убийцы поможет сбор информации о жертве, к тому же кто как не женщина поймет другую женщину и проникнется схожими чувствами. Хотя Жань Дундун такой довод показался уместным, на душе у нее было скверно. Она никак не могла принять того факта, что обнаруженная жертва оказалась абсолютно голой среди бела дня, но еще больше ее взволновал вид изуродованной

руки. Тут же в ее голове совершенно не к месту промелькнули лица дочери и супруга. Всякий раз в минуту опасности или стресса в ее голове молниеносно возникали жуткие картины, как кто-то из них или упал, или выбил себе зубы, или попал в более серьезную передрягу.

Она быстро переключила внимание, стараясь отогнать неприятные мысли. Лучшим способом для этого было погрузиться в работу. Она тут же присвоила делу название «Большая яма» в соответствии с местом, где нашли убитую. Ее помощник Шао Тяньвэй неодобрительно замахал, заметив, что для расследования такое название может оказаться провальным. Она в ответ отшутилась: «Чтобы не провалиться в яму, придется самим запрыгнуть внутрь, нельзя же благозвучности ради менять топонимы. Неужто будет лучше назвать это дело „Ветер в спину“?» Сказав это, она вдруг представила себе огромную яму – такую глубокую, что в ней невозможно разглядеть дна.

СМИ разместили новость о преступлении с просьбой ко всем, кто владеет информацией, дать зацепку. Спустя несколько минут тишины стационарные телефоны угрозыска принялись трезвонить на все лады. Их трели напоминали то далекие велосипедные звонки, то резкие звуки заведенного в мобильном телефоне будильника – иногда интенсивные, а иногда вялые, они то будоражили, то убаюкивали. В общем, не считая разноголосицы, пользы от них было ноль – словно суетливые пальцы, они один за другим тыкались в лоб Жань

Дундун. Прошло пять часов, а она так и не установила личность покойной. Ей вдруг захотелось покурить, но она тут же устыдилась этой мысли. И только в 22:00 она резко выпрямилась на стуле, услышав на другом конце провода мужской голос: «Может, это она...»

Жань Дундун и Шао Тяньвэй прибыли в микрорайон Баньшань, чтобы лично встретиться со звонившим. Мужчина рассказал, что три года назад он сдал ей квартиру. «Для меня, – пояснил домовладелец, – она проявлялась каждый месяц пятнадцатого числа в виде „пилик“ на телефоне. Бывало, пиликнет мобильник в этот день, и я уже почти наверняка знаю, что это она перекинула деньги за аренду. Но сегодня уже семнадцатое, а деньги так и не пришли. Позвонил ей – трубку не берет, на звонки в дверь тоже никто не реагирует. Вот я и подумал, а вдруг она умерла? Но как такое возможно...» – Мужчина провел рукой по глазам, словно устыдившись неприятных мыслей.

Жань Дундун попросила его открыть квартиру потерпевшей. На площади в восемьдесят квадратов разместились две спальни и гостиная, во всех комнатах царили чистота и порядок – никаких признаков того, что может случиться несчастье. Жань Дундун попросила Шао Тяньвэя произвести осмотр помещения. Ни подозрительных предметов, ни странностей в обстановке. И все-таки они прихватили с собой лежавший на письменном столе красный ноутбук, а также обнаруженный на книжной полке томик стихов «Ли-

стья травы»¹. На титуле сборника красовалось дарственное пожелание и подпись – Сюй Шаньчуань.

Обобщив все данные, удалось установить, что убитую звали Ся Бинцин, ей было двадцать восемь лет, определенного места работы за ней не значилось. Судебный врач обнаружил на затылке трупа след от удара тупым предметом, в волосах потерпевшей нашли частички древесины. Однако вскрытие показало, что мозг смертельных повреждений не получил, а вот дыхательные пути были заполнены водой, в глотку проникла среда водоема в виде песка и водорослей; таким образом, настоящей причиной смерти следовало указать утопление. Согласно характеру трупных пятен, было зафиксировано время смерти – приблизительно сорок часов назад. Жань Дундун мысленно воспроизвела картину преступления: жертву чем-то ударили, сбросили в реку, в воде она очнулась, но, обессиленная, не смогла выбраться на берег. Перевернувшись лицом вниз, она дрейфовала вниз по течению и, время от времени приходя в сознание, глоток за глотком захлебывалась. Убийца в это время наблюдал за ней с берега, и только убедившись в том, что она действительно утонула, вытащил ее на берег и отрезал ей кисть... Может, на запястье убитой было какое-нибудь дорогое украшение? Жань Дундун принялась последовательно просматривать все фото в ноутбуке – на запястье девушки она замечала то часы, то какие-нибудь браслетики, но ни одно из украшений не отно-

¹ Романтический сборник американского поэта Уолта Уитмена (1819–1892).

силось к категории «лакшери». Зачем тогда убийце понадобилось уродовать ее правую руку?

Когда Жань Дундун сообщила им новость об убийстве Ся Бинцин, они впали в ступор и несколько секунд сидели с каменными лицами. Они – это родители Ся Бинцин, которые проживали на улице Цзянбэйлу, 10, в общежитии при Второй больнице. К настоящему времени они уже оба вышли на пенсию, отец до этого трудился в профсоюзе больницы, а мать в той же больнице работала гинекологом. Пару дней назад они слышали, что в реке обнаружили труп, и даже повздыхали о судьбе безвинно погибшей жертвы, но даже не заподозрили, что ею окажется их собственная дочь. Это было до боли ужасно, ведь, по сути, они вздыхали о собственной кровинке, но при этом жалели кого-то другого; злодеи убили их собственную дочь, а они-то думали, что убили какую-то неизвестную. Представьте, что опасность, которая, казалось бы, пролетела мимо, спустя какое-то время вдруг возвратилась и обрушилась на вашу собственную голову! Эта новость совершенно их обескуражила, и они были уверены, что Жань Дундун определенно что-то напутала.

Жань Дундун забрала их с собой на опознание трупа. Они посмотрели, изменились в лице, но при этом продолжали качать головами, словно это могло хоть что-то изменить. Мать Ся Бинцин отвернулась, вынула мобильник и набрала номер дочери, из трубки слышалось: «Телефон абонента вы-

ключен». Она не смирилась и стала набирать снова и снова, и всякий раз до нее доносилось «телефон абонента выключен», словно аппарат мог произносить только эту фразу.

– Что взять с твоего барахла, на нем вечно нет сигнала! – С этими словами отец Ся Бинцин вынул свой мобильник. – Вот этот Бинцин все-таки прислала мне из Пекина.

Он принялся набирать номер дочери на подаренном ею телефоне, однако три попытки подряд не дали никакого результата. Его руки пробила дрожь. Понимая, что еще чуть-чуть – и контроль будет потерян, он изо всех сил сжал кулаки – точно так же пассажиры хватаются за поручни кресел, когда самолет попадает в зону турбулентности, и сидят в напряжении, пока тот не выровняется.

– Здесь плохой сигнал. Как такое возможно? Я с ней общался всего неделю назад, – произнес он.

«Неделя – это целая вечность, – подумала Жань Дундун, – а для того, чтобы случилось несчастье, хватает нескольких минут».

Она хотела было их успокоить, но опасалась, что неуместная забота лишь усугубит их боль. Каждый раз, расследуя какое-нибудь преступление, она меньше всего на свете хотела встречаться с родственниками пострадавших, ей казалось, что в их страданиях виновата она. Жань Дундун предложила им вернуться домой и дождаться результатов ДНК, а потом уже подписать необходимые бумаги. Они развернулись и двинулись на выход. С каждым шагом их нетвердая

походка становилась все более неуклюжей, они передвигались еле-еле. Доковыляв до выхода, они потеряли последние силы, словно в их ноги кто-то вцепился мертвой хваткой. Не сговариваясь, оба опустились на корточки.

– Неужели правда?

– Вроде как да, а может, и нет.

– Сама как думаешь?

– А ты?

Они перекидывались вопросами, словно в чем-то упрекая и вместе с тем утешая и подбадривая друг друга. Наконец, не в силах дольше удерживаться на корточках, они плюхнулись прямо на ледяной пол.

В их собственных глазах дочь была красивой, умной и послушной. Четыре года назад, окончив факультет сестринского дела в местном медицинском вузе, она стала работать в отделении акушерства и гинекологии Второй больницы, то есть в том же самом месте, где и ее мать. Ее нелюбовь к этой работе проявилась сразу же после выбора специальности. Ей нравилось петь и танцевать, она мечтала, что в будущем станет актрисой, пусть даже второго плана, поэтому в приоритете у нее было поступить на актерское отделение. Однако родители считали, что зарабатывать своей внешностью – дело весьма сомнительное, да и вряд ли в этой сфере пробиться и утвердиться может любой, кто проявит трудолюбие. Поэтому будь то выбор специальности или расстановка приоритетов, плевать они хотели на желания дочери, вот и при-

няли решение за нее. Да что там говорить, мать продумывала даже ее ежедневный гардероб, вплоть до обуви и носков.

Та поначалу сопротивлялась, приклеивала на дверь комнаты табличку «Посторонним вход воспрещен», намеренно получила низкие баллы на экзаменах, симулировала раннюю любовь... Но всю ее враждебность родители игнорировали, объясняя издержками подросткового возраста, словно виноватой была она, а не они, которые то и дело лишали ее права выбора.

«Я не уйду из дома лишь потому, что хочу остаться вашей дочерью» – это были самые смелые слова, вылетевшие из ее уст, да и то только однажды. Ну а по мнению родителей, сказанное единожды веса не имеет, вес обретает лишь то, что повторяется энное количество раз, и этим объяснялось их собственное бесконечное брюзжание.

Ей не хотелось работать вместе с матерью – в одной и той же больнице, да еще и на одном и том же отделении. И тогда – три года назад, когда она очередной раз стала угрожать, что разорвет с родителями всякие отношения, – те, утирая слезы, все-таки согласились отпустить ее в Пекин в статусе мигрантки. С ее стороны это стало своеобразным отмщением за все те годы, когда они вместо нее определяли ее судьбу. Теперь она оторвалась от родителей настолько, что прилетала к ним из Пекина только на большие праздники, а в обычное время в качестве весточки о себе ежемесячно отправляла им деньги и всякого рода гостинцы. Гостинцы

она слала каждую неделю, причем всякие разные – от съестного до одежды и предметов быта, но в последнюю неделю от нее ничего не приходило...

Они сидели в комнате для допросов Сицзянского отделения полиции и, пока давали показания, листали в телефоне фото, поясняя – вот это отель, в который она устроилась работать, это квартира, где она жила, это ее сослуживица... Жань Дундун, слушая их, кивала и одновременно корила себя за то, что кивает, потому как все, о чем они говорили, не соответствовало правде. А правда состояла в том, что их дочь проживала всего в каких-то пяти километрах от них, в микрорайоне Баньшань, но при этом притворялась, что находится в Пекине.

«У нее был молодой человек?», «С кем она обычно общалась?» – на все эти вопросы родители, которым казалось, что они прекрасно знают свою дочь, не находили ответа, как будто, сдав ее в столицу, более не считали нужным вникать в ее дела.

– Когда вы ее видели в последний раз?

– На Праздник чистого света², она приезжала на три дня, – ответила мать Бинцин.

– В ее настроении замечались какие-то странности?

– Да нет. Разговаривала, шутила, даже пела.

На все последующие вопросы они все так же продолжали

² Праздник чистого света, или День поминовения усопших, обычно приходится на 4–5 апреля.

мотать головами, словно не знали других жестов. Они жили в выдуманном ею мире – обо всем, что якобы происходило в Пекине, они говорили убедительно, а о том, что происходило у них под боком, они и ведать не ведали, как будто у них развилась психическая дальноркость. Это психическая дальноркость лишила их возможности видеть реальность: их пример в который раз доказывал старую истину – чем ближе родственники, тем меньше они знают друг друга. Это как нос не знает о существовании глаз, а глаза не ведают о существовании ресниц.

– Тогда последний вопрос. Вам говорит о чем-то имя Сюй Шаньчуань?

– Нет, – в один голос ответили они.

Камеры видеонаблюдения зафиксировали: в тот день, когда было совершено преступление, в 17:15 Ся Бинцин села в зеленое такси у ворот микрорайона Банышань. В 17:43 такси остановилось перед входом в отель «Ланьху». Выйдя из машины, Ся Бинцин вошла в отель и заняла столик у окна с видом на озеро в лобби-баре. Она заказала кофе, потом десерт и просидела там в общей сложности больше часа. Все это время она без конца ныряла в телефон, постоянно оглядывалась по сторонам или же пристально всматривалась в рощицу за окном. Похоже, она кого-то ждала, но кого? Прождав до 19:15, она оплатила счет, вышла из отеля, повернула налево и пошла вдоль пролегавшей у озера дорожки. К этому времени уже начали спускаться сумерки. Уйдя дальше по дорожке, в зоне камер видеонаблюдения она больше не появлялась. От момента ее выхода из отеля до гибели оставалось всего 45 минут. Возможно, она просто затерялась среди растительности.

Воспользовавшись связями в компании телефонного оператора, Жань Дундун решила отследить траекторию ее передвижений, но, к сожалению, геолокация на телефоне погибшей была отключена, причем уже очень долгое время. Она не хотела, чтобы кто-то знал о ее местонахождении, скорее всего, боялась, что родители раскроют ее ложь.

Полицейские с собаками тщательно обследовали всю местность вокруг озера, но никаких предметов, относящихся к преступлению, не нашли и ничего подозрительного вокруг не обнаружили. Участок реки, где плавал труп, они тоже прошерстили самым внимательным образом, и тоже безрезультатно.

Ввиду того, что озеро Ланьху и река Синьцзян сообщаются между собой, Жань Дундун распорядилась опросить хозяев всех прогулочных корабликов, которые курсировали по озеру в течение сорока часов после убийства Ся Бинцин, однако в перевозке трупа никто из них не признался, не нашлось и тех, кто хотя бы просто видел Ся Бинцин. Где же произошло убийство? В поисках ответа Жань Дундун уже сломала себе голову.

Перед выходом из дома Ся Бинцин отправила сообщение Сюй Шаньчуаню: «В 18:00 на том же месте». Сюй Шаньчуань в ответ написал: «Сегодня занят». Ся Бинцин отправила еще одно сообщение: «Если не придешь, случится страшное». Сюй Шаньчуань решил уточнить: «На каком том же месте?» – «Можешь не притворяться?» – последовало в ответ. «Я правда занят», – снова написал Сюй Шаньчуань. «Не вынуждай меня», – предупредила Ся Бинцин. «Я не из пугливых», – написал Сюй Шаньчуань.

Сюй Шаньчуаня определили как главного подозреваемого. Ему уже исполнилось тридцать шесть, его отличительной чертой была непропорционально большая голова. Говорили,

что это произошло из-за того, что в подростковом возрасте он пил слишком много напитков, которые производил его отец. Другие связывали это с повальным увлечением его поколения – страстью к компьютерным играм: мол, из-за неподвижного образа жизни конечности у таких, как он, выглядели недоразвитыми, а вот голова, напротив, – крупной. Жань Дундун где-то читала, что в будущем люди своей фигурой будут все больше походить на инопланетян. Но пока факты свидетельствовали о том, что башка конкретно этого инопланетянина работала прекрасно. Он стал основателем целой сети отелей под названием «Майк», и пусть начальный капитал ему предоставил отец, дальнейшие дела, связанные с управлением, он вел безукоризненно. Его отец разбогател за счет производства холодных чаев. Спустя тридцать лет после своего появления на рынке эти чаи по-прежнему пользовались большим спросом во всех южных провинциях Китая. Супруга Сюй Шаньчуаня, Шэнь Сяоин, была моложе его на два года и являлась домохозяйкой. У них росло двое детей – мальчик пяти лет и девочка трех лет.

Жань Дундун вызвала его на допрос. Едва он уселся, как тут же выпалил, что Ся Бинцин убил не он, более того, он предоставил квитанцию с распиской о получении экспресс-почты и флешку. Подпись на квитанции датировалась вечером, когда было совершено преступление, указанное на ней время отличалось всего лишь на полчаса от времени гибели Ся Бинцин. Какое совпадение! Жань Дундун

невольню засомневалася. Однако флешка, словно ушат холодной воды, тотчас смыла все ее сомнения. Видео содержало съемку дома с камер наблюдения. Чтобы контролировать поведение няни с детьми, камеры в их доме работали двадцать четыре часа в сутки. Видеосъемка доказывала, что в тот вечер, когда было совершено убийство, Сюй Шаньчунань вместе со всеми домочадцами находился дома.

– Но ведь я не говорила, во сколько конкретно убили Ся Бинцин, – заметила Жань Дундун.

– Так ведь об этом каждый день сообщают в новостях, – последовал ответ.

– Вы хорошо подготовились.

– Просто не хотел тратить ваше время.

– Как вы познакомились с Ся Бинцин?

На какое-то мгновение он задумался, потом сказал, что точно не помнит, однако по выражению его лица Жань Дундун поняла, что все он помнит, причем прекрасно. Решив слегка освежить его память, она уточнила, о каком «старом месте» писала ему Ся Бинцин? Он настороженно переспросил – о чем идет речь? «Разве Ся Бинцин не присылала вам сообщение перед тем, как выйти из дома?» – сказала Жань Дундун.

На этот раз он догадался, о чем речь. Он не то чтобы не ожидал, что его переписку могут проверить, но не думал, что это сделают настолько оперативно. Он принялся озабоченно раскачиваться вперед-назад. Прodelав такие движе-

ния пару раз, он пробормотал:

– Отель «Ланьху».

– Вы познакомились в этом отеле? – спросила Жань Дундун.

Он закусил губу и, словно провалившись во временную дыру, замер.

– Вам задали вопрос, – Шао Тяньвэй постучал по столу.

– У нее была склонность к суициду, она постоянно говорила о самоубийстве, – Сюй Шаньчуань увел разговор в сторону.

– Взгляните на это, – Жань Дундун положила перед ним три фото, – она получила удар по затылку, а ее правое запястье отрезано. Похоже на самоубийство?

Он принялся внимательно изучать фотографии, его лицо становилось все серьезнее. Наконец он грубо выругался:

– Какой сукин сын посмел сделать такое?

– Вот это я и хотела бы у вас выяснить.

– Я не знаю, – он замотал головой, – правда не знаю. А знал бы, так сам убил бы этого гада.

– Вы ее любили?

Он погрузился в молчание, после чего сказал:

– Это моя личная жизнь, как это относится к делу?

– Самое прямое, если причиной убийства стали чувства.

– Тогда могу заявить, что никакой любви между нами не было, максимум – обычная симпатия.

– Расскажите о симпатии.

Он снова замолчал, но на этот раз уже ненадолго. Решив, что он набирается смелости, Жань Дундун решила его подбодрить. Она взяла томик стихов «Листья травы» и принялась читать:

*Я верю, что листик травы не меньше
поденщины звезд,
И что не хуже их муравей, и песчинка,
и яйцо королька,
И что древесная лягушка – шедевр,
выше которого нет,
И что ежевика достойна быть
украшением небесных гостиных...³*

Он слушал, но никак не реагировал.

– Вам нравится Уитмен? – Жань Дундун оторвала взгляд от книги.

– Никогда его не читал. – В его ответе как будто даже слышалось особое чувство гордости.

– Тогда почему вы подарили ей этот сборник?

– Потому что когда-то американский президент Клинтон подарил его своей любовнице Левински. Об этом говорили по телевизору, когда я еще учился в школе. – Он облизал пересохшие губы.

– Ха-ха... Не ожидала, что все так банально. – Жань Дундун хлопнула книжицей о стол.

³ Отрывок из стихотворения «Песня о себе» (перевод К. Чуковского).

Он вздрогнул, но скорее не от резкого звука, а от выплеснутого ею презрения.

В конце концов Сюй Шаньчуань рассказал следующее:

– Три года назад в двадцатых числах апреля, а если быть точнее – 22-го числа после обеда, на втором этаже отеля «Ланьху» в номере 12 я проводил собеседование. На него пришло больше десяти человек, все претендовали на место администратора в моем пекинском филиале отеля «Майк». Среди них была и Ся Бинцин, причем явилась она прямо с чемоданом. Я спросил, почему она с чемоданом? Она ответила, что если собеседование пройдет удачно, то она сразу же отправится в Пекин. У меня прямо сердце екнуло от такого заявления, но я взял себя в руки. Скорее всего, это был просто хитрый ход. Стоило признать, что она весьма сообразительна, однако сообразительность в наше время зачастую принимается за расчетливость. Поэтому, решив ее проверить, я прямо в лоб спросил: неужели она на все собеседования ходит с чемоданом? Она же так удивилась, что даже приоткрыла свои губки – ни дать ни взять надрезанная клубничка. Наконец, придя в себя, она возмутилась: мол, как я мог такое подумать, и вообще это ее первое собеседование. После окончания собеседования я ее из списка претендентов вычеркнул. Мне не нравятся люди, которые откровенно хитрят, особенно в мелочах, потому что все эти мелкие хитрости часто вредят большому бизнесу. Признаюсь чест-

но, когда я вычеркивал ее имя, в сердце у меня что-то хрустнуло – такой неприятный звук, будто кость сломалась, меня даже передернуло. Это во мне заговорила совесть, после содеянного я вдруг запереживал. Я все сидел и сидел в номере, не смея двинуться с места, словно мне требовалось время, чтобы вытравить из себя эту несчастную каплю стыда. К моему удивлению, когда все претенденты и штатные работники уже разошлись, она снова явилась со своим чемоданом, сказала, что якобы хочет выслушать мои критические замечания и понять, что сделала не так, чтобы извлечь урок при устройстве на работу в будущем. Вот тогда я и понял, что ее отличие от зачисленных претендентов состояло в том, что она жаждала самоутверждения, касалось ли это ума, внешности или красноречия. Я тогда еще отшутился, сказав, что сноб не может взять на работу такого же сноба. «Да ладно», – ответила она и, скинув верхнюю одежду, плюхнулась мне на колени. Она была очень соблазнительна, а если учесть, что она оседлала женатого мужчину, у которого уже было двое детей, я подумал, что не взял ее из-за чувства ревности. Будь на моем месте другой мужик, так он бы наверняка уже сдался, но я из тех, кто прежде, чем пойти налево, сперва хорошенько подумает трижды. Поэтому я ее оттолкнул. Сам-то я не придавал этому никакого значения, а вот ее самоуважение было задето. Она надулась, топнула ногой, швырнула на пол авторучку, это помогло выпустить пар, но в конце концов она разрыдалась. Есть тип девушек, которых слезы только укра-

шают, и она относилась как раз к такому типу. Рыдая, она напоминала растерзанный цветок, который втоптали в коровью лепешку. Пока она плакала, вся комната наполнилась ее чудесным ароматом. Я даже чуть было не сдался, но вспомнив про жену и детей, вспомнив про все активы нашего семейного предприятия, собрал всю волю в кулак и раздавил свой растущий соблазн, словно грецкий орех. Таким состоятельным людям, как я, необходимо проявлять особую бдительность при общении с инициативными девушками и, стиснув зубы, раз за разом отказываться от любовных интрижек. Ся Бинцин не была исключением, поэтому я ее вытолкнул в коридор...

– Стоп, – прервала его Жань Дундун.

Многолетний опыт ведения допросов ей подсказывал, что если речь начинает напоминать заученный текст, то доля фальши в нем неуклонно растет. Правдивая речь обычно нетороплива, в то время как ложь льется бурным потоком. На самом деле, еще начав допрос, она поняла, что он лжет, но не стала прерывать его, потому как хотела выудить побольше сведений. Однако, чем дольше она его слушала, тем больше замечала, что вместо того, чтобы помогать следствию, он смакует свои воспоминания, причем берет за основу реальные эмоции, но при этом искажает факты. Хотя она заставляла себя проявлять терпение, дальнейшее бездействие с ее стороны грозило обернуться попаданием в его ловушку. А больше всего на свете ей были противны люди, ко-

торые оставляли других в дураках, поэтому она решительно прервала его вопросом:

– Так вы все-таки вытолкали Ся Бинцин из комнаты?

– Вытолкал.

– Но, по нашим сведениям, вы ее не только не вытолкали, но еще и оставались с ней при закрытых дверях в течение трех часов.

Застигнутый врасплох, он тут же спросил:

– Кто такое сказал?

– Для начала ответьте, это действительно так?

– Я ее вытолкал, но она тут же протиснулась обратно. Силенок ей не занимать.

– Что вы имели в виду под «чудесным ароматом»? Только что вы упомянули, что вся комната наполнилась...

Помедлив, он объяснил:

– Я это не подумав ляпнул, просто немного приукрасил.

– Вы сказали, что, рыдая, она напоминала «растерзанный цветок» – почему «растерзанный»?

– Это просто неверная формулировка, я требую внести поправку, я же не думал, что вы начнете придирааться к каждому слову.

Только сейчас он посмотрел на Жань Дундун всерьез, словно внезапно совершил переоценку своей собеседницы. Она смело выдержала его взгляд.

– Мы также выяснили, что Ся Бинцин являлась не единственной вашей любовницей. У вас были еще Сяо Лю, Сяо

Инь и другие.

Он замолчал надолго.

– Мы с Ся Бинцин заключили контракт.

– Контракт?

Он ответил не сразу. Однако, понимая, что ответить все-таки придется, просто тянул время, будто каждая секунда возвращала ему авторитет.

Жань Дундун увидела контракт спустя два часа – за ним Шао Тяньвэю пришлось в сопровождении Сюй Шаньчуаня съездить в офис. Суть сводилась к тому, что стороне А (Сюй Шаньчуаню) надлежало ежемесячно перечислять стороне В (Ся Бинцин) определенную сумму взамен на то, что стороне В надлежало являться к стороне А по первому же зову. Кроме того, стороне В не позволялось разрушать семью стороны А.

– Какой же это контракт? Это сплошная дискриминация, – произнесла Жань Дундун, сдерживая возмущение.

– Ее к этому никто не принуждал, – откликнулся Сюй Шаньчуань, указывая на красный отпечаток пальца в нижнем правом углу.

Она заметила, что контракт датируется 22 апреля, то есть аккурат тем же днем, в который проходило собеседование.

– И что же, такая бумага у вас всегда при себе? Встретили подходящую особу и тут же вместе со своим хозяйством вытаскиваете и ее? – На этот раз она уже не сдерживалась.

– Я это напечатал прямо в отеле.

– Но вы ведь ушли сразу после того, как покинули номер, или принтер имелся прямо в номере?

Он глянул на нее украдкой, но она это заметила. Она знала, что он следит за выражением ее лица, прикидывая, как бы

выпутаться. И точно, буквально тут же он исправился:

– Вспомнил, контракт был подписан неделю спустя, а эта дата была указана лишь для того, чтобы зарплата ей выплачивалась начиная с того дня.

– Зарплата? То есть она называла это зарплатой? – усмехнулась Жань Дундун. – С какого времени вы вступили в сексуальные отношения?

– Это была ее инициатива.

– Я спросила, с какого времени?

– С того самого дня, прямо в номере.

– Так быстро, а как же чувства?

– Нам для их появления хватило двух с лишним часов.

– Shit... Раз уж это была ее инициатива, то зачем вам понадобился контракт?

– Потому что я знаю, что бесплатные услуги иной раз обходятся дороже, чем платные.

– Ну а как же жена и дети? Вы ведь говорили, что, когда вспоминаете про них, то отказываетесь от любовных интрижек?

– Вы расследуете преступление или занимаетесь нравоведением? – Он изменился в лице и, ухватившись за возможность нанести ответный удар, возмутился: – Можно тут не строить из себя?.. Нашлась святоша, я ж тебя как облупленную вижу. Для начала научись уважительно разговаривать с людьми, а потом уже задавай свои вопросы, иначе вообще откажусь отвечать, пока не найдут тебе замену.

– Вы можете отвечать избирательно, – попыталась она разрядить обстановку.

Но он уже крепко сомкнул губы и не собирался их размыкать, даже если бы она превратилась в открывашку. Все звуки в комнате смолкли, слышалось только дыхание – его, ее и Шао Тяньвэя. Шао Тяньвэй несколько раз похлопал по столу, напомнив Сюй Шаньчуаню, что тот обязан помогать следствию; в итоге тот даже дышать стал тише. «Это всего лишь его стратегия, – рассуждала про себя Жань Дундун. – Он делает вид, что возмущен, а на самом деле просто хочет сменить меня на менее назойливого следователя. Важнее то, что он хочет взять ситуацию под контроль. Если он добьется своего, то добыть правду будет гораздо сложнее».

Она не могла отступить. Он замолчал, она тоже замолчала, он прикрыл глаза, она тоже прикрыла глаза, в общем, что делал он, то же делала и она. Поначалу все ее действия выглядели вроде как спонтанно, но постепенно он ее раскусил. Зачем она ему подражает, словно какой-нибудь клоун? Но тут же у него проскочила другая мысль: а не выставляют ли клоуном его? Ему было очень неприятно, что его передразнивают. Жань Дундун вдруг превратилась в «зеркало». Это их противостояние длилось полтора часа, пока наконец он не выпалил, что она больная. Она не проронила ни слова, продолжая делать вид, что спит, даже глаза сомкнула по сильнее, словно демонстрировала, что у нее предостаточно и времени, и терпения, так что эту войну на истощение она

прекрасно выдержит.

– Я не убийца, – принялся втолковывать Сюй Шаньчуань, – а всего лишь подозреваемый, ко мне нельзя относиться так же, как к настоящему убийце. Контракт нарушила Ся Бинцин, взяла его и сожгла, как сжигают флаги враждебного государства. Я продолжал ежемесячно выплачивать ей зарплату, а она притворялась, что эти деньги ей не нужны, что они ничто по сравнению с ее любовью, которую за деньги не купишь. Она хотела, чтобы я женился на ней. Это было невозможно. Но чем больше я говорил о том, что это невозможно, тем больше она верила в обратное, причем верила так же сильно, как обычно верят слухам. Каждый день она названивала, желая встретиться, а если я отказывался, то угрожала самоубийством.

– Она уже пыталась покончить собой? – Жань Дундун медленно открыла глаза. Больше всего она боялась спугнуть его резкими движениями.

– Пыталась. Впервые это произошло в ее спальне в микрорайоне Баньшань, когда она перерезала себе вены ножом, причем на том же правом запястье, по которому потом прошелся убийца...

На его глазах выступили слезы.

– Нежнейшая ручка, и вдруг такое: то сама хозяйка ее уродовала, то убийца – дважды в одно и то же место, как представляю – так прямо не могу.

За все время допроса он впервые дал слабинку. Минут че-

рез пять дрожь в его теле унялась.

– Второй раз это случилось на трассе Цзянбэй, когда она решила направить машину прямо в реку. К счастью, я тогда вовремя выхватил у нее руль. В третий раз это произошло, когда мы посещали японскую шоколадную фабрику «Белый возлюбленный» в Саппоро. Там она прокралась на украшавшую парк часовую башню и, раскинув руки, уже приготовилась сигануть, но ей помешала толпа туристов внизу: те начали активно посылать ей «сердечки», и это ее остановило. Всякий раз она пыталась покончить собой прямо у меня на глазах, словно хотела преподать мне урок. Поэтому я все больше боялся и все меньше желал этих встреч.

– Ваша супруга Шэнь Сяоин знала о ваших отношениях с Ся Бинцин?

– Нет, они не были знакомы. Будьте так добры, сохраните это в тайне от моей жены.

– Это будет зависеть от хода раскрытия преступления.

– Мне не хотелось бы дважды причинять зло своей семье: сперва своими поступками, а потом еще и рассказами о них.

Жань Дундун так и подмывало спросить: «Раз уж ты с самого начала осознавал, что это плохо, то почему так поступал?» Однако она прикусила язык, чтобы не брякнуть лишнего. Наученная недавним опытом, она больше не хотела рисковать, в приоритете сейчас было не чтение морали, а поиск убийцы.

– Они вам знакомы?

Жань Дундун разложила перед Шэнь Сяоин три фотографии, на которых были Ся Бинцин, Сяо Лю и Сяо Инь. Это был своего рода тест – если Шэнь Сяоин тут же не набросится на эти фото, то это будет означать, что она этих женщин не только знает, но еще и испытывает к ним неприязнь. Но, к ее удивлению, Шэнь Сяоин тут же взяла в руки все три фотографии и поднесла их к самому носу, точно страдала близорукостью, хотя никакой близорукости у нее не было. Уйдя в процесс разглядывания с головой, она выглядела более чем привлекательно, намного привлекательнее тех же Сяо Лю и Сяо Инь. И пусть ее фигура уже несколько расплылась, это ни в коей мере не скрывало ее природной красоты, точно так же, как никакое мастерство повара не способно скрыть изначальный вкус продукта.

– Я никого из них не знаю. – Она положила фотографии на место.

– Вы следите за этим делом?

– Что-то читала.

– Среди них есть фото убитой, можете ее опознать?

На этот раз она уже не стала набрасываться на фотографии, что говорило о том, что в ее душе начинает зарождаться некое неприятие. Осмотрев фото еще разок на расстоянии,

она отрицательно покачала головой. Тогда Жань Дундун ей подсказала:

– Вот эта девушка, ее звали Ся Бинцин.

– Мне она не запомнилась.

– Догадываетесь, почему мы вызывали Сюй Шаньчуаня?

– Он ее знал?

– Они были в отношениях больше трех лет.

Не проявив должного удивления, она выглядела даже еще более невозмутимой – на лице не дрогнул ни один мускул, поза осталась неизменной, будто все сказанное ее не касалось вовсе. Это вдвойне удивило и несколько разочаровало Жань Дундун, которая от своей психологической атаки ожидала другого эффекта. Выдержав паузу, Шэнь Сяоин объяснила:

– Я не хочу ничего знать об этих глупостях. Для меня главное – это его отношение ко мне, остальное меня не волнует. Мы женаты уже восемь лет, и каждый вечер, если он не идет с кем-то на банкет, то делает мне массаж, иногда даже массирует ступни. Покупает все, чего мне хочется, включая дом. Дает любое количество Money, причем мне даже не нужно просить его об этом. Всякий раз, когда он вручает мне крупную сумму или особо хорошо ублажает во время массажа, я понимаю, что он добился крупных успехов во «внешних связях». Я же, с одной стороны, наслаждаюсь его ухаживаниями, а с другой – терплю его измены. На первый взгляд это выглядит как любовь и ненависть в одном флаконе, но,

если копнуть глубже, то таким образом мы делаем друг друга сильнее. Иногда требуется, чтобы верх взяла любовь и душа простила плоть, а иногда любовь необходимо отравить ненавистью, прямо как вирусом, который вживляют в тело, чтобы появился иммунитет. Все это я осознала еще до того, как выйти замуж, в противном случае вообще бы предпочла остаться одна. Я прекрасно понимаю, что, если человек захочет пойти налево, удержать его не получится – даже у GPS сигнал прерывается.

– То есть вас не беспокоит, что другие делят его любовь вместе с вами.

– Любовь... Любовь – это физиология, ее можно поддерживать максимум года три. Так называемая любовь – всего лишь дофамин, который выделяет мозг, когда люди соприкасаются. Когда же свежесть чувств проходит, то партнерам лень производить это вещество... так что никто не может гарантировать моногамной любви.

– Неудивительно, что у него столько связей на стороне, – оказывается, вам это безразлично. У него к вам такое же отношение?

– В этом смысле мы равноправны.

В представлении Жань Дундун эти супруги напоминали два диковинных цветка, у которых напрочь выгорели мозги: у одного – от кучи денег, у другого – от багажа знаний. Она хотела бы поспорить с такого рода взглядами на любовь, но сейчас ее целью было другое. Она взяла со стола контракт.

– Эта бумага была подписана Сюй Шаньчуанем и Ся Бинцин, взгляните, пожалуйста.

– К чему? Это все равно ничего не изменит.

– У вас не хватает мужества принять реальность. – Жань Дундун отложила договор в сторону, будто отказывалась не только от бумаги, но и от своей доброты.

– Мне это не интересно, мои мысли в основном занимают дети.

– С другими двумя он тоже поддерживал отношения.

– Неужели? И зачем мне это знать?

– Вот журнал регистрации снятых ими номеров. – Жань Дундун придвинула к ней плотный конверт, внутри которого находились распечатки.

– Не хочу делать себе больно, – сказала она, отталкивая конверт.

– Как вам кажется, Сюй Шаньчуань может быть убийцей?

– Если бы даже мне этого хотелось, вряд ли это именно так.

– Вспомните, пожалуйста, вас ничего в нем не настораживало в последнее время?

– Нет, а может, я просто бестолкова.

Спустя восемь часов допроса Жань Дундун так и не вытянула из Шэнь Сяоин сколько-нибудь ценную информацию. «Либо Шэнь Сяоин слишком хитра, либо я сама слишком тупа», – подумала Жань Дундун, хотя Шао Тяньвэй отметил, что допрос она вела безукоризненно. На самом деле в ка-

честве подозреваемых у нее имелись только эти двое: очевидный – Сюй Шаньчуань, и неочевидный – Шэнь Сяоин. У обоих имелись мотивы: Сюй Шаньчуань мог совершить преступление из-за того, что хотел отделаться от назойливых приставаний Ся Бинцин, а Шэнь Сяоин могла пойти на убийство из ревности либо в целях сохранения семьи. Но загвоздка состояла в том, что у обоих имелось алиби: и соседи, и курьер, и охранник подтвердили, что в момент убийства супруги находились дома.

По мнению Шао Тяньвэя, у Шэнь Сяоин и мотива-то как такового не было, ведь ее совершенно не интересовали измены мужа, к тому же его щедрые дары прекрасно компенсировали любые проступки. Жань Дундун посоветовала напарнику проявлять бдительность, заметив, что нищенское существование ведет к ограниченному представлению о людях. Шао Тяньвэя такое замечание сильно укололо. Уже исполнилось больше двух лет, как он окончил полицейское училище, но жилье у него по-прежнему было съемным, хотя время от времени он забывал о своем деревенском происхождении, особенно когда с головой уходил в работу или, наоборот, отрывался по полной.

Неужели Шэнь Сяоин действительно смотрела сквозь пальцы на измены Сюй Шаньчуаня? «Если бы на ее месте находилась я или любая другая мало-мальски нормальная женщина, – размышляла Жань Дундун, – то терпеть такое было бы не под силу. Разве только если она не любит Сюй Шаньчуаня или сама ведет такой же беспутный образ жизни». Но, судя по всему, Шэнь Сяоин представляла собой традиционный образец добродетельной супруги и добропорядочной матери, никакого любовника у нее не было. Она обожала свой дом: будь то бокалы для вина, или накидки на подушки, или палочки для еды – она относилась к их выбору не менее серьезно, чем к подбору мужа. На выходные и праздники всю стряпню она брала на себя, в их доме всего было вдоволь: и вкусной еды, и свежих цветов, и музыки, и заразительных звуков заливистого смеха. Она любила детей, старшего ребенка лично водила в садик и забирала домой, повседневные нужды своих чад она также обеспечивала «самолично». Все острые углы в детских она обезопасила мягкими накладками, чтобы, не дай бог, никто не ушибся. Даже понимая, что когда-нибудь дети вырастут, она готова была опекать их вечно.

По словам няни, той лишь однажды довелось увидеть, как супруги ссорятся, да и то случилось это, когда кто-то из де-

тей разбил коленку, играя с Сюй Шаньчуанем. Шэнь Сяоин так рассердилась, что подскакивала на месте, на ее шее вздулись все вены, она прямо-таки рвала и метала, словно ребенок был ее единоличной собственностью.

Себя она тоже любила, каждый день ходила на фитнес, красиво одевалась, даже если не выходила из дома, словно делала это специально для Сюй Шаньчуаня. Любила ли она Сюй Шаньчуаня? Со слов няни, они липли друг к другу, как жвачка. Часто ели вместе одно мороженое на двоих или какой-нибудь фрукт. Если рядом не толклись дети, начинали прижиматься друг к другу и целоваться, из их спальни то и дело доносились сладострастные стоны.

Они встретились в тот самый год, когда в Пекине проходила Олимпиада. Шэнь Сяоин устроилась волонтером. Он познакомился с ней на промо-семинаре в олимпийской деревне – она отвечала за команду лучниц, а его отец выступал главным спонсором соревнований по стрельбе из лука. Вообще-то сам Сюй Шаньчуань нацелился тогда на спортсменку из Южной Кореи, но, пока он к ней подкатывал, сбился с курса. Он заметил, что Шэнь Сяоин не только не уступает кореянке внешне, но еще и заметно превосходит ее манерами. Поэтому он тут же отложил «Китайско-корейский словарь», распрямил измученный непривычными звуками язык, разгладил его и, вернувшись в лоно родного наречия, предпринял сладкоречивую атаку на новую цель. Сугубо внешне они друг другу не подходили – сам он красав-

цем никогда не считался, но его преимуществом были деньги, а излюбленной фразой – «не верю, что устоишь». Спустя буквально пару дней после знакомства он преподнес ей банковскую карту, на которую положил шестизначную сумму, однако Шэнь Сяоин к ней даже не прикоснулась, точно то была не карта, а какая-то чудовищная пасть. Наконец-то ему встретилась удивительная девушка, которую не интересовали деньги, и это нанесло его самолюбию какой-никакой, но удар. Такой же удар испытывает благотворительная организация, когда от ее пожертвований вдруг берут да отказываются. Он-то считал, что не бывает на свете людей, которые отказывались бы от денег, а если такое и происходит, значит, деньги просто неправильно преподнесли. И тогда он решил вручить эту сумму в более помпезном облиции. Он не придумал ничего лучше, как пригласить в ресторан кумира Шэнь Сяоин, который лично для нее исполнил две песни. Она обрадовалась, да так, что ее личико приняло самое умильное выражение, а глаза наполнились нежностью. В ее реакции проявились не только чувства, но и то, что они весьма подходят друг другу, – чем больше радовалась она, тем больше радовался он, а чем больше радовался он, тем больше чувствовал, что потраченные деньги того стоили. Это потом уже она заметила, что совершила нечто ужасное. Он не только развенчал ее кумира, но и проявил излишнюю торопливость в погоне за быстрым результатом. Ведь если человеку не хватает терпения для романтических отношений, откуда

у него найдется терпение, чтобы прожить с избранницей всю оставшуюся жизнь?

Окончив бакалавриат Наньянского технологического университета в Сингапуре, она устроилась PR-менеджером в одну из местных компаний. Но проработала там буквально два года – и тут ее внезапно захватила оживленная атмосфера надвигавшейся Олимпиады в Пекине. Она уволилась и вернулась на родину в поисках перспективы для карьерного роста. Не успела она как следует нацелиться, как ее, словно какую-нибудь реактивную ракету, перехватил Сюй Шаньчуань. Для начала он показал ей компанию своего отца по изготовлению холодных чаев, но та ее не заинтересовала. Тогда он сводил ее в штаб-квартиру сети отелей «Майк», вот там она сразу почувствовала себя в своей тарелке, а если быть точнее, то ее в этой компании привлекла модель управления. Она и представить не могла, что приоритетом компании может быть поощрение служащих за высказывание ими критических замечаний: хватило смелости выступить с критикой – получи премию, если критика дельная, то и сумма вознаграждения соответствующая. В те времена такого рода практика среди частных, да и всех остальных компаний казалась чем-то совершенно запредельным и даже получила название «продажное предательство», да и по сей день такие методы работы все еще в диковинку. Всякий раз, когда компании предстояло важное решение, в его обсуждении принимали участие все работники, причем путем тайного голосования.

Решение утверждалось, если его поддерживало две трети голосов. Все, кто проработал в компании более пяти лет, становились держателями акций, при встрече все коллеги, будь то высшее руководство или обычные служащие, с поклоном приветствовали друг друга. Такая странная для Китая модель управления, откровенно говоря, поразила Шэнь Сяоин. Чтобы развеять сомнения, она даже решила проверить компанию более пристрастно. Она устроилась на работу в антикоррупционное бюро, но, проработав там три года, полностью уверилась в порядочности Сюй Шаньчуаня и в итоге согласилась принять его предложение. Другими словами, она вышла за него не только из-за денег, но еще и потому, что он оказался прекрасным, мудрым управленцем. Таким образом, в основе их отношений лежали чувства, к тому же проверенные временем.

Жань Дундун нанесла визит родителям Шэнь Сяоин. Прежде чем выйти на пенсию, оба они состояли в разных рангах на госслужбе и теперь жили в особняке в бамбуковом парке. Мать Шэнь Сяоин рассказала, что та с детства была перфекционисткой. Случись ей не попасть в тройку лучших при сдаче каких-нибудь экзаменов, и она наказывала себя тем, что на целый день отказывалась от еды или даже запиралась у себя в комнате и не ходила в школу. Жань Дундун про себя подумала, что самолюбия девочке уже тогда было не занимать. По словам матери, начиная с садика Шэнь Сяоин попадала в самые престижные учреждения, она от-

личалась особой смышленностью, и учителя и одноклассники ею восхищались. Жаловаться ей было не на что, в деньгах она не нуждалась, единственным ее недостатком являлась замкнутость, она не любила разговаривать. «А может, то была гордость или высокомерие?» – подумала Жань Дундун. По словам матери, судьба у дочери сложилась неплохо, ей попался хороший муж, сразу после замужества она резко изменилась, от бывшего перфекционизма не осталось и следа. «Наверное, это и называют лежачей победой, – подумалось Жань Дундун. – Сколько людей грезят о подобной жизни! Как же так случилось, что человек с таким сильным самолюбием, которого с самого детства холили и лелеяли, вдруг превратился в совершенно безмятежного и невозмутимого, пофигиста? Единственным объяснением этому было не что иное, как „притворство“. Ведь Шэнь Сяоин училась на психолога, и пускай она неоднократно подчеркивала, что потом сменила специальность и всецело посвятила себя дому, все-таки профессию психолога она систематически постигала в течение четырех лет. С ее багажом знаний и уровнем IQ притвориться пофигисткой ничего не стоит».

Жань Дундун поручила Шао Тяньвэю проверить соцсети Шэнь Сяоин, а Лин Фан – состояние ее счетов. Конечно, у нее имелось алиби, однако следовало удостовериться, не поручила ли она совершить убийство кому-то другому.

Ввиду отсутствия доказательств спустя восемь часов допроса Жань Дундун пришлось отпустить Шэнь Сяоин. Однако она потребовала установить за обоими супругами круглосуточное наблюдение. Замначальника управления Ван попросил дать этому требованию обоснование, на что Жань Дундун сослалась на свою интуицию. В Сицзянском отделе полиции лишь у нее было право использовать такой довод – ведь за ее плечами было раскрытие двух сложных дел. К тому же она считалась ветераном – с момента окончания полицейского училища ни разу не меняла место работы, благодаря чему имела уже шестнадцатилетний стаж.

Сюй Шаньчуань и Шэнь Сяоин продолжали вести привычный образ жизни, даже ее ритм оставался прежним; складывалось впечатление, что для них это уголовное дело значило не более чем какая-нибудь пыль, по неосторожности запачкавшая пальто, – стряхнул – и как не бывало. Шэнь Сяоин в основном обозначала свое присутствие в четырех точках: дом, детский сад, торговый центр и фитнес-клуб. Посещение этих мест отличалось строгой пунктуальностью, настолько строгой, что по ней можно было сверять часы. А вот местонахождение Сюй Шаньчуаня, напротив, отличалось отсутствием всякой системы. Помимо дел в офисе, он также встречался с клиентами, ходил на банкеты, на плава-

ние... Жань Дундун думала, что он не интересуется спортом, но оказалось, что раз в два дня он посещает бассейн – заплыв на сто метров по пятидесятиметровой дорожке туда и обратно он преодолевал без единой передышки. И уж совсем ее удивило то, что, даже будучи под наблюдением, он использовал любую возможность, чтобы встречаться то с Сяо Лю, то с Сяо Инь. Она-то думала, что в память о Ся Бинцине он хотя бы приостановит свои развлекательные мероприятия, но он их не только не приостановил, но стал проводить с двойным размахом, словно Ся Бинцин была обычной сигаретой – выкурил и забыл.

Жань Дундун тайно вызвала на допрос Сяо Лю. Сяо Лю являлась генеральным директором Сицзянского филиала сети отелей «Майк». Три года назад она занимала должность начальника отдела кадров в главном офисе компании, поэтому некоторые сведения о собеседовании Ся Бинцин были предоставлены ею. На этот раз Жань Дундун вызвала ее, чтобы выяснить, как ведет себя в последнее время Сюй Шаньчуань. По словам Сяо Лю, Сюй Шаньчуань изменился – он стал очень нервным, то и дело на кого-то орал, ругался отборной бранью. С утра до вечера жевал жвачку, даже во время проведения собраний, разборок и даже во время секса. Все это время он старался выяснить, кто же в конце концов его сдал (имелась в виду информация о том, что он три часа провел в номере наедине с Ся Бинцином). Он сказал, что когда узнает, то сразу убьет предателя.

Почему Сюй Шаньчуань придавал такое значение тем трем часам, проведенным в номере отеля? Жань Дундун попросила Сяо Лю хорошенько подумать, не упустила ли она каких-нибудь деталей.

– Какое выражение было у Ся Бинцин, когда она покинула номер?

– Она была в темных очках.

– Кто первым вышел из номера? Общались ли Ся Бинцин и Сюй Шаньчуань, пока шли по коридору?

– Первой вышла Ся Бинцин, а уже следом – Сюй Шаньчуань, он катил ее чемодан.

– Мне нужны подробности. К примеру, как именно они покинули отель?

– Ся Бинцин осталась внутри у входа и ждала, пока Сюй Шаньчуань подгонит машину.

– А кто открывал дверцу машины? И какую именно?

– Сюй Шаньчуань, причем ту, где находилось место рядом с водителем.

– Какие звуки доносились из номера в течение трех часов, пока они там пребывали?

– Я находилась в главном холле, это от номера далеко.

Отвечая на все эти вопросы, Сяо Лю то и дело озиравшись по сторонам, словно боялась, что кто-нибудь ее увидит. Жань Дундун поспешила ее успокоить:

– Это полицейский участок, безопасность свидетелей мы гарантируем.

Жань Дундун предложила Сяо Лю кофе, и они вели беседу до окончания рабочего дня, после чего Жань Дундун на своей машине лично проводила Сяо Лю. В машине Сяо Лю спросила ее:

– Вы подозреваете, что убийца Сюй Шаньчуань?

– А вам кажется, что он похож на убийцу? – ответила Жань Дундун вопросом на вопрос.

– Да нет, на самом деле он очень даже милый.

– Мы всего лишь прощупываем ситуацию.

– Тогда ладно.

«Лишь бы только Сюй Шаньчуань не оказался убийцей, – думала про себя Сяо Лю, – тогда мои показания не принесут ему большого вреда, в противном случае мне крышка. Если убийца – он, то компания „Майк“ развалится. А если компания развалится, то я потеряю работу. Если я потеряю работу, придется искать новую, но будет ли новая работа приносить такой же доход? Может, и будет, но таких тепличных условий уже точно нигде не сыскать».

Сейчас она каталась как сыр в масле – занимала должность гендиректора одного из филиалов, имела небольшую долю как акционер и прямой доступ к председателю правления; никто не смел ее притеснять. Поэтому, пока она отвечала на вопросы Жань Дундун, все внутри нее сопротивлялось, она в равной мере боялась как утаить, так и рассказать правду; говорила – и в то же время пыталась сдерживаться, пыталась сдерживаться – и все-таки давала волю словам.

– Что мне делать? – спросила она.

– В каком плане? – поинтересовалась Жань Дундун.

– Должна ли я порвать с Сюй Шаньчуанем?

– Быть любовницей в любом случае непорядочно.

– Неужели порядочность могла бы принести мне такую работу? Если бы не он, была бы у меня сейчас такая сытная жизнь? Что бы на моем месте сделали вы?

– А что... Что бы сделали вы на месте Шэнь Сяоин?

– Убила бы любовницу.

– Вот, собственно, и ответ, иногда нужно лишь поменяться с человеком местами, и тогда сразу все станет ясно.

Жань Дундун остановилась у черного входа в отель, где работала Сяо Лю. Сяо Лю выходить не торопилась. Жань Дундун поняла, что той явно хочется что-то рассказать. Она ее не подгоняла, даже не смотрела в ее сторону, чтобышний раз не смущать. В машине воцарилась гробовая тишина, даже двигатель мотора и тот окончательно заглох.

– Вам не обязательно рассказывать все, опять же, можно рассказать о чем-то и позже, когда будет удобно, времени у нас предостаточно, – обронила Жань Дундун.

Сяо Лю колебалась, она хранила это в секрете три с лишним года, если она и дальше будет сдерживать себя, то рискует заработать душевное расстройство. Она словно держала в руках огромную пачку денег, но при этом не погасила долг. И тогда она произнесла:

– Я слышала плач... В тот момент я направлялась к Сюй

Шаньчуаню со списком зачисленных на работу претендентов, чтобы он поставил свою подпись. Но, дойдя до двери номера, вдруг услышала плач Ся Бинцин. Я не осмелилась постучаться и вернулась обратно.

– Спасибо! – Жань Дундун поймала себя на мысли, что уже давненько не произносила этого слова.

Интернет-пользователи прессинговали начальника городского управления полиции, тот прессинговал Сицзянское отделение, последнее прессинговало Жань Дундун, а та, соответственно, – себя; в итоге растущее волна за волной напряжение обрушилось на Жань Дундун с такой силой, что у нее даже онемели руки. Народ горячился, ему не терпелось, чтобы убийца уже завтра предстал перед судом, поэтому в своих комментариях люди то и дело писали в адрес полиции что-то типа «лохи, идиоты, болваны», все меньше стесняясь в выражениях. В отделении уже трижды созывались собрания по разбору дела, на которых Жань Дундун выступала с подробными докладами. Все эксперты соглашались с тем, что дело щекотливое, но руководство городского управления, оказавшись под давлением, требовало ускорить его раскрытие, а в противном случае даже грозило забрать его в свои руки. Жань Дундун, которая считалась мастером по раскрытию преступлений, конечно же, не хотелось, чтобы ее списали со счетов.

Она устроила второй допрос родителям Ся Бинцин, встреча происходила у них дома, протокол составлял Шао Тяньвэй. Родители Ся Бинцин то и дело увиливали от ответов, точно какие-нибудь скряги, вместо того чтобы поделиться целой фразой, они пресекали ее на половине. К тому же

большую часть времени мать Ся Бинцин плакала, а пока плакала, просила Жань Дундун отомстить за ее дочь.

– Слезы не помогут найти убийцу, тут нужна только правда.

– Да, я все расскажу.

Сказав это, мать Бинцин плакать перестала. Жань Дундун попросила вспомнить, что случилось, когда три года назад Ся Бинцин решила уехать из дома. Особенно ее интересовало, было ли что-то странное в ее поведении вечером 22 апреля, когда она ходила на собеседование. Мать Бинцин сказала, что от радости дочь проплакала весь день и всю ночь.

– А как именно это происходило? – спросила Жань Дундун.

– Она плакала, закрывшись в комнате.

– Чему же она так радовалась?

– Тому, что наконец-то сможет уехать на заработки в большой город, – встрял в разговор отец Бинцин.

– А когда-нибудь позже она плакала в вашем присутствии?

Никто из них ответить не мог, словно это был самый сложный вопрос на свете. Между тем Жань Дундун заметила, что отец Бинцин не вынимает из кармана брюк правую руку – вроде как и хочет вытащить ее, но на полпути снова засовывает поглубже, после чего опять пытается набраться для этого храбрости. Было, однако, заметно, что пальцы его без конца что-то перебирают в кармане, будто он, стесняясь вы-

дать себя, втихаря считает деньги.

– Вытаскивайте уже, – велела ему Жань Дундун.

– Что вытаскивать?

– То, что в кармане.

Его рука еще дважды проделала неуверенные движения, прежде чем в ней, трепеща, не появился конверт. Жань Дундун вынула из него листок и прочла написанное: «Прошу прощения, что так и не стала той дочерью, о которой вы мечтали. Если со мной что-нибудь случится, найдите, пожалуйста, Сюй Шаньчуаня. Бинцин».

– Почему не передали эту записку сразу? – спросила Жань Дундун.

– Потому что она не стала той дочерью, о которой мы мечтали, – ответил отец Бинцин.

– Что вы хотите сказать?

– А то, что она нас позорила, пока мы считали, что она нас прославила...

«Оказывается, они в курсе ее дел, – подумала Жань Дундун, – прямо точь-в-точь как мои предки – пусть сорочка будет вся в дырах, но воротничок должен выглядеть на все сто». От злости она едва не треснула кулаком об стол, но, вовремя одумавшись, выдержала паузу и осторожно убрала руку на место.

– Ведь человек уже умер, а вы продолжаете лгать, как так можно?

Тогда отец Бинцин рассказал, что в этом году дочь оста-

навливалась у них на три дня, когда приезжала на Праздник чистого света.

– Вечером первого дня я заметил, что у нее красные глаза, и спросил, что стряслось. Она призналась, что влюбилась в женатого и теперь не знает, как быть. Я посоветовал оставить его и найти другого. Но ей это было не по нутру. Я предупредил, что мы против, чтобы нашу дочь содержали как любовницу. Она сказала, что как раз требует от мужчины развода. Тогда я сказал, что нам подержанный товар не нужен. Тут она укорила меня, что я хочу ее смерти. Ну я взорвался и от досады и безысходности залепил ей пощечину. Я же не знал, что ее убьют. Знал бы наперед, то скорее бы залепил пощечину ее матери. Сейчас из-за этого сам не свой, прямо взял бы и отрубил свою руку.

С этими словами он посмотрел на свою правую ладонь, словно на ней отпечаталось личико Ся Бинцин.

Мать Бинцин добавила, что дочь заперлась в комнате и проплакала там целый день, сколько она к ней ни стучалась, та не открывала.

– Я и через дверь пыталась ее успокоить, и на телефон сообщения слала, мол, сделаем так, как ее душеньке будет угодно, – кого бы ни полюбила, мы любой ее выбор поддержим, даже если не выйдет замуж.

«Да уж, – подумала Жань Дундун, – на такие послабления они отважились, лишь когда дочь совсем загнала их в угол, если остается хотя бы малейшая возможность для перегово-

ров, какая мать не пойдет на попятную?»

– Однако, – продолжала мать Бинцин, – как бы я ее ни увещевала, она никак не реагировала и только на третий день к обеду открыла дверь. Мы-то решили, что она все хорошенько обдумала, в душе у нас затеплилась уже похороненная было радость, но, к нашему удивлению, она, даже не поев, вышла за порог, взяла у ворот такси и умотала. Мы с отцом тоже взяли такси и приехали следом за ней к озеру Ланьху. Она вышла из машины, мы тоже. Она встала на утес и замерла, в чем только душа держится. Мы перепугались, что случится непоправимое, и бросились к ней. Но чем больше мы старались ее образумить, тем настырнее она пыталась сигануть в воду, а силища у ней такая, что и не перебороть. Видя такое дело, я бухнулась перед ней на колени. «У нас, – говорю, – ты единственная дочь. Дело, конечно, твое, но, если ты сейчас спрыгнешь, мы прыгнем следом. Зачем нам жить без тебя?» Она, похоже, вняла моим мольбам, уткнулась мне в грудь да так и проплакала часа два кряду. «Успокойся, – говорит, – мама, я останусь жить с вами».

У Жань Дундун от услышанного защемило в носу, она вытерла мокрые от слез глаза и продолжила допрос.

– Во время нашей первой встречи вы сказали, что когда дочь вернулась на Праздник чистого света, то ничего странного вы в ее поведении не заметили, еще добавили, что она разговаривала, шутила и даже пела. Вы понимаете, сколько нанесли вреда, давая такие ложные показания? Из-за вас мы

упустили самое драгоценное для раскрытия преступления время.

– Простите нас, – проговорил отец Бинцин, – мы не могли смириться, не могли смириться с такой вот нашей участью.

– Зато помогли убийце выиграть время, – отчеканила Жань Дундун.

Они приехали к озеру Ланьху. Мать Бинцин указала каменную глыбу, на которой тогда стояла дочь. Там была своего рода бухточка, рядом с которой располагалась роща, окружавшая ее сразу с трех сторон. «Возможно, – подумала Жань Дундун, – Ся Бинцин ударили по голове и столкнули в воду прямо здесь».

Жань Дундун стояла на утесе и, глядя на поверхность озера, представляла, как 15 июня в 20:00 Ся Бинцин пришла на это же самое место, тут к ней сзади подкрался убийца и ударил какой-то деревяшкой по голове. Потеряв сознание, она плюхнулась в воду, а убийца, чтобы не быть замеченным, подтянул ее к подножию утеса. Она очнулась, но он погрузил ее под воду, чтобы та окончательно захлебнулась. Под утесом, где громоздились разного размера булыжники, убийца, по-видимому, перевел дух. Дождавшись, когда спустится ночь и на прогулочных катерах не останется ни души, убийца взял с одного из пришвартованных неподалеку катеров спасательный круг, нет, сразу два круга, один надел на себя, другой – на убитую. Таким вот способом он переправил ее от подножия утеса к устью реки, что находилась в трех километрах, после чего привязал труп в прибрежных кустах. Спустя тридцать с лишним часов труп отвязался и поплыл вниз по течению.

Криминалисты более трех часов исследовали участок вокруг утеса, но не обнаружили там ничего, что напоминало бы деревянную труху или капли крови. Обыскав акваторию озера, они также не нашли ни мобильного, ни ключей погибшей. Тогда Жань Дундун предположила, что, возможно, убийца напал на Ся Бинцин, пока та шла по дорожке че-

рез рощу, после чего притащил ее в укромное место и, когда она очнулась, заткнул ей рот тряпкой или даже одеждой. С наступлением ночи убийца наконец перетащил ее из рощи к озеру, после чего доставил к реке. Тогда криминалисты шаг за шагом обследовали всю дорожку, но ничего подозрительного также не обнаружили. Неужели место преступления находится не рядом с озером?

Чтобы проверить свою версию, Жань Дундун послала помощников выяснить, не заметили ли хозяева катеров пропажи спасательных кругов. В итоге хозяин катера «Ланьху-6» признал, что у него как раз пропали два круга. Точное время пропажи он не помнил, но сказал, что заметил это в обед восемнадцатого числа. А вечером пятнадцатого катер «Ланьху-6» стоял у берега в пятистах метрах от утеса, при этом никого на нем не было. На катере с каждого борта висело по три круга, которые использовались главным образом для защиты от столкновений с другими катерами. Но куда же они могли исчезнуть?

Жань Дундун отправила помощников проверить весь участок реки вниз по течению, в результате оба круга с маркировкой «Ланьху-6» нашлись в деревне Лоецунь. Круги стащили с двух голозадых пацанов. Всего на речке в тот момент купалось семеро ребят, на двоих были спасательные круги. Со слов детей, они выловили их в реке дней двадцать тому назад. Жаль, что из-за долгого пребывания в воде и соприкосновения с другими телами с них уже невозможно было

взять образцы ДНК подозреваемого и умершей.

Проверяя одну версию за другой, Жань Дундун словно проживала сны наяву.

Мать Бинцин предоставила в полицию звукозапись, которую дочь отправила ей 10 апреля, то есть на третий день после того, как родители не дали ей спрыгнуть с утеса на озере Ланьху. Звукозапись начиналась со стука, как будто кто-то бил по деревянной поверхности, однако звук был глухим, словно исходил из закрытого пространства. Потом послышалась первая фраза Ся Бинцин: «Эй, есть кто-нибудь? Эй...» Казалось, она зовет на помощь... а может, только очнулась? Вторая фраза звучала так: «Здесь очень темно, выпустите меня, выпустите меня». Совершенно очевидно, что свет был выключен, к тому же ее держали взаперти. Третья фраза была такой: «Я слышу, что здесь кто-то смеется». Неужели снаружи кто-то смеялся? Четвертая фраза: «Не оставляйте меня в этом ящике, мне страшно». Она по-прежнему переживала этот кошмар? Далее снова стук. Пятая фраза: «Эй, эй, мне тут не нравится, так никто не узнает, что я умерла». То есть получается, что она расценивала это как смерть? Шестая фраза: «Выпустите меня, я хочу быть вместе со всеми». Кого она умоляет? Седьмая фраза: «Я не сбегу, не сбегу, я еще приду, приду...» В итоге она на что-то согласилась?

После коллективного прослушивания записи следственная группа пришла к единодушному заключению, что все это могло иметь место в том самом номере, где три года

назад проходило собеседование. Жань Дундун и Шао Тянь-вэй съездили в отель, провели следственный эксперимент и, сопоставив записи, установили, что звуки голоса и стука в дверь на них практически совпадают. Они принялись анализировать эти данные. Жань Дундун считала, что запись была сделана в тот самый раз, когда Ся Бинцин провела в номере с Сюй Шаньчуанем три часа. Свет в комнате был выключен, Ся Бинцин, придя в себя, напугалась и хотела во что бы то ни стало убежать. Хотя другие голоса на записи отсутствовали, создавалось ощущение, что кто-то ее все-таки удерживал. Возможно, Сюй Шаньчуань изнасиловал девушку, ведь Сяо Лю слышала, как из номера доносился плач. И хотя отец Бинцин сказал, что в тот вечер она «плакала от радости», она проплакала чуть ли не сутки. Помнится, Сяо Лю обмолвилась, что Сюй Шаньчуань допытывался у нее, кто мог донести про «те три часа» в отеле, что говорило о его страхе. Интересно, что, когда Ся Бинцин выходила из номера, Сюй Шаньчуань, словно слуга, помогал ей катить чемодан, а потом еще и проводил на своей машине, не говоря уже о том, что услужливо открыл ей дверцу. Между тем и Сяо Лю, и Сяо Инь в один голос утверждали, что лично с ними Сюй Шаньчуань никогда не был столь любезен. Все они имели одинаковый статус любовниц, почему же любезности Сюй Шаньчуаня удостоилась лишь Ся Бинцин? Очевидно, что он совершил нечто паскудное и теперь боялся, что Ся Бинцин на него донесет.

– Почему же она не заявила в полицию? – спросил Шао Тяньвэй.

– Деньги, – кратко объяснила Жань Дундун. – Сюй Шаньчуань закрыл ей рот деньгами, я имею в виду тот контракт. Скорее всего, он также пообещал ей кое-что еще и на словах, вплоть до того, что женится на ней. В противном случае у нее не было бы причин постоянно приставать к нему с этим. Видимо, Сюй Шаньчуань дал ей какую-то надежду на то, что они будут вместе.

– Наша главная задача – поймать убийцу, – напомнила Лин Фан.

– Но, возможно, отправной точкой убийства является как раз изнасилование. Если бы не оно, то все приставания к Сюй Шаньчуаню со стороны Ся Бинцин казались бы несколько поспешными. Тут определенно должна быть серьезная угроза, чтобы Сюй Шаньчуань отважился на столь безжалостное убийство. Что могло послужить такой угрозой? То, что Ся Бинцин могла бы разрушить его семью? Нет. Его жену вообще не волновало, что у него есть любовницы. Стоило ему покаяться, и они могли вместе противостоять Ся Бинцин, так что разрушить их семью она бы не смогла. Но если бы Ся Бинцин пожаловалась на изнасилование – вот это стало бы настоящей угрозой. Поэтому сперва нужно уличить его в изнасиловании, а уже потом разбираться с убийством, – ответила Жань Дундун.

– Но это всего лишь версия, где взять доказательства? Ес-

ли Сюй Шаньчуань твердо будет стоять на своем, как мы докажем, что он ее изнасиловал? Ся Бинцин нам уже ничего не расскажет, кто же это подтвердит? – вмешался замначальника управления Ван.

Жань Дундун показала оставленную родителями записку Ся Бинцин: «Если со мной что-нибудь случится, найдите, пожалуйста, Сюй Шаньчуаня».

– Разве она не намекает, что Сюй Шаньчуань и есть убийца?

– А может, она хотела сказать, что родители могут обратиться к Сюй Шаньчуаню за деньгами? Никакой ясности тут нет. Нам как можно быстрее следует получить железные доказательства, такие, чтобы одним махом сокрушить противника, а не просто потрепать ему нервы, – заметил замначальника Ван.

Дело зашло в тупик. Все, кто участвовал в его раскрытии, чувствовали на себе огромное давление, особенно это касалось Жань Дундун. У нее возникло ощущение, что ее облили цементом, который сковывал все ее движения.

Глава 2

Неразбериха

11

Когда Жань Дундун вернулась домой, был уже час ночи, Хуаньюй и Му Дафу уже спали. Ее дочери Хуаньюй было десять лет, она ходила в начальную школу. Муж, Му Дафу, был профессором филологического факультета Сицзянского университета. В браке они состояли уже одиннадцать лет. Умывшись и почистив зубы, она на ощупь пробралась в спальню и легла в постель. Неожиданно на ее грудь опустилась рука. Эта рука не прикасалась к ней уже больше месяца, а все из-за того, что Жань Дундун уходила ни свет ни заря и возвращалась уже за полночь. Поэтому большую часть времени Жань Дундун, точно больная Альцгеймером, про эту руку забывала, но если та к ней прикасалась, то память к ней возвращалась, и тогда ее тело откликалось – Жань Дундун поворачивалась к мужу, льнула к нему и устремлялась в объятия, безвозмездно и страстно отдавая ему всю себя без остатка. Однако сегодня она не только не откликнулась, но еще и оттолкнула его руку, словно прогоняя нарушителя, покусившегося на частную собственность. Однако рука

не приняла это как настоящий отказ, а потому стала действовать еще настойчивее, еще более пылко и бесстыдно. Вдруг раздался шлепок – по руке сердито треснули, и ей пришлось отступить.

– Что с тобой? – спросил Му Дафу. – Мне что, каждый раз нужно записываться к тебе на прием?

– Все достало, – послышалось в ответ.

– Что-то конкретное достало или вообще?

Какое-то время она выдерживала паузу. На первый взгляд ее беспокоила только пара вопросов, но они влияли на все остальное, прямо как укус насекомого, который вызывает общую аллергию.

Му Дафу широко раскрыл глаза, пытаясь разглядеть выражение ее лица, но в крошечной темноте это ему не удалось, он лишь понял, что ее глаза распахнуты, словно круглосуточные камеры наблюдения.

– Попалось сложное дело? Или переживаешь, что дочь плохо написала контрольную? Досталось от начальника? Поцарапала машину? Надули в онлайн-магазине? Может, женские дни? Нелады со здоровьем? Родители заболели? Или я что-то натворил?.. – Он выложил все, что пришло ему в голову. Ему казалось – чем подробнее будут его вопросы, тем большую чуткость он проявит. Но, к сожалению, ни один из вопросов не смог разрешить ее психологических проблем, наоборот, на душе у нее стало еще хуже.

Сперва она думала применить к нему технику допро-

са, но ее беспокоило, что под таким давлением он начнет лгать. А ложь штука заразная, прямо как выплата процентов по кредиту, которые нужно гасить, беря все новые и новые в других местах. Не желая и дальше его томить, она поставила его перед фактом:

– Пока мы расследовали дело, я случайно узнала, что ты дважды снимал номер в отеле «Ланьху»: один раз – двадцатого числа в прошлом месяце и еще один раз – двадцатого числа в позапрошлом, с завидной регулярностью, прямо как женские дни.

Он тут же рассмеялся:

– Так вот оно что!.. Номер мы снимали с Сяо Ху и другими мужиками, чтобы перекинуться в картишки.

– Это окончательный ответ?

– Не веришь? Так это могут подтвердить камеры наблюдения, – выпалил он без тени колебания.

– Прошло слишком много времени, записей не сохранилось, – она вдруг невольно поделилась с ним таким секретом. – Если ты не ручаешься за свои слова, можешь ответить еще раз.

– Хочешь услышать то же самое еще раз?

– Хочу. Сяо Ху двадцатого числа прошлого месяца не было в городе.

– А! Так я забыл, Сяо Ху был с нами в позапрошлом месяце, а в прошлом я играл с Сяо Хэ, с Сяо Бао и с Лао Ся.

– Снова лжешь.

– Лгу?

– Двадцатого числа прошлого месяца Лао Ся целый день был на конференции.

– Ты следишь даже за моими друзьями?

– Тут и слежки никакой не нужно, достаточно просмотреть их соцсети.

– Точно, с нами тогда был Сяо Се, да какая разница, это всего лишь партнеры по игре в карты, столько времени прошло, не мудрено забыть.

– Хорошенько подумай, явка с повинной смягчает наказание.

– Я – твой муж, а не преступник.

– Если муж не говорит правду, значит, он – преступник.

Что тут еще скажешь? От злости он не нашелся с ответом, его сердце разом захлестнула лусиневская⁴ скорбь, словно во всем мире не осталось и островка здравомыслия. Чтобы показать, что абсолютно чист перед ней, он сделал вид, что заснул, и демонстративно захрапел. Но она знала, что он не спит. Он знал, что она знает, что он не спит. Она знала, что он знает, что она знает, что он не спит. И все равно он притворялся. Оба так и ворочались всю ночь. Ему не нравилось, что она его проверяет, а ей не нравилось, что он ее обманывает.

⁴ Лу Синь (1881–1936) – родоначальник современной китайской литературы. Характерной особенностью его творчества является жесткая критика социальных пороков общества и неприглядных сторон национального характера своих современников.

Утром он приготовил шикарный завтрак, но она к нему даже не прикоснулась. Он посматривал на нее краем глаза — ее лицо по-прежнему сохраняло вчерашнее выражение, и только ради Хуаньюй она пыталась менять полную хмарь на какие-то проблески солнца. Поскольку она ничего не ела, он тоже ничего не ел, оба сидели за столом и смотрели на дочь. Когда Хуаньюй позавтракала, они взяли ее за руки каждый со своей стороны и спустились вниз, будто ничего и не произошло. Она отправилась на работу, он пошел провожать дочь в школу. Когда они прощались возле дома, она помахала Хуаньюй и улыбнулась. При этом он ясно понял, что это улыбка была адресована исключительно дочери. Впервые он осознал, что улыбка имеет конкретное направление, пусть даже на пути ее следования находитесь вы.

Он понимал, что этот рубеж ему, как бы то ни было, следует взять, в противном случае ее подозрения начнут расти и разбухать в геометрической прогрессии. Чтобы все это не переросло в злокачественную опухоль, следовало вырезать новообразование подчистую. Но как вырезать? Му Дафу пришлось оторваться от написания статьи под названием «О запутанном нарративе в прозе Бай Чжэнь», и теперь он расхаживал взад и вперед по кабинету, точно ходьба могла решить проблему, однако помощи ниоткуда не поступало. «Никакая игра в карты пройти этот рубеж не поможет, – размышлял он, – даже если я устрою обед, на который позову своих товарищей, она все равно не поверит, да и никто бы не поверил, наоборот – она даже заподозрит, что я их подкупил. А вот если скажу, что встречался с любовницей, – тогда точно поверит, да и любой дурак бы поверил. Нынче людей ничем обычным не убедишь, зато крайности принимаются на ура. Но заставить поверить – это не единственная цель, главное – не столько вызвать доверие, сколько не причинить зла, иначе какой от всего этого прок? К тому же придется объяснять, откуда взялась любовница? Кто она вообще такая? Когда я с ней познакомился? Сколько раз с ней встречался? Как мы с ней расстались... Тут требуется такая фантазия, чтобы все это выглядело правдоподобно, my God, но я

ведь профессор, а не писатель».

Два дня Жань Дундун не возвращалась домой и, сославшись на ударную работу, ночевала прямо в участке на диване. Но он понимал, что, помимо «ударной работы», она все еще продолжает на него дуться. Вечером третьего дня он, взяв с собой Хуаньюй, направился в участок. Он даже приготовил для нее поесть, но перед самым выходом решил ничего не брать, побоявшись, что она расценит это как подлизывание. Хуаньюй, едва увидев мать, бросилась ей на шею, и они долго обнимались. Когда Жань Дундун наконец оторвалась от дочери, он заметил, как сильно она сдала за последние два дня – вокруг глаз залегли темные круги. У него резко защемило сердце. Честно говоря, ему стало ее жалко.

– Если дело такое сложное, то, может, попросишь найти себе замену?

– А у меня есть выбор делать что-то другое? Мне от природы дано раскрывать преступления, и ничего другого.

С этими словами она усадила Хуаньюй за стол перед компьютером и включила ей мультик. Он же, разглядывая висевшие на стене фотографии потерпевших и подозреваемых, засмотрелся на каких-то красоток.

– Ты их знаешь? – спросила она, забившись в угол дивана.

Опомнившись, он присел на другом краю дивана и спросил, морща нос:

– Почему тут воняет табаком?

– Это ребята курили, пока мы работали над делом.

– Ты не курила?

– Нет.

Пока они в оцепенении застыли каждый на своем краю дивана, до них то и дело доносилось веселое хихиканье Хуаньюй, что только подчеркивало возникшую в комнате официальную атмосферу. Со стороны могло показаться, что им абсолютно нечего друг другу сказать, но на самом деле каждого переполняли буквально рвавшиеся с уст слова. Тем не менее оба считали, что лучше всего сейчас помолчать. Пока они пялились на штору, то заметили, что ее правый нижний угол совсем отсырел, на потолке тоже обнаружилось сырое пятно, небольшой участок в левом углу затянуло паутиной, аккуратно в десяти сантиметрах над шторой. И хотя они не обменивались никакими фразами, их глаза скользили по одним и тем же предметам, при этом было непонятно, кто кому задает траекторию взгляда. Она проводила в этом кабинете каждый день, но у нее никогда не находилось времени, чтобы осмотреть его внимательно. Сквозь дверной проем они уставились на стоянку, где разместились три полицейские машины, а также на ее и его автомобили. Дружно глядя на улицу, они продолжали избегать встречаться глазами, но прекрасно улавливали все взаимные телодвижения. Десять, двадцать, тридцать минут... они не чувствовали хода времени, словно такое безмолвное сидение было совершенно обычным занятием. И чашки, и чайничек с чаем стояли на столике прямо перед ними, но она ничего ему не налила,

он – тоже, каждый из них своими действиями словно боялся нарушить равновесие текущего момента. Она знала, что он беспокоится за нее. Он знал, что она все еще держит в памяти свои тревоги. Судя по доносившимся звукам, мультфильм, который смотрела Хуаньюй, вот-вот должен был закончиться.

– Если тебе сейчас удобно, я мог бы объяснить, зачем я дважды снимал номер.

Уже сказав эту фразу, он понял, что немного поторопился, поскольку еще не придумал, какое именно нужно сделать признание, чтобы она поверила.

– Дома поговорим, у меня сейчас нет на это сил.

Про себя он с облегчением вздохнул: «Ты слишком устала, надо просто как следует отдохнуть».

Разумеется, она и сама знала, что устала, все ее мышцы, особенно в плечевом поясе, ныли от боли, но времени на расслабление не было. С того момента, как ей поручили это дело, ее голову словно целиком запихали в морозилку, казалось, на ней даже кожа одеревенела, а мысли отказывались выходить наружу, точно при своего рода умственном запоре. Она не только ограничила трафик слов в разговорах с родными, но еще и все чаще уходила в себя. У нее попросту не оставалось энергии на мужа и дочь, поскольку ее мозг был полностью занят расследованием.

Мультфильм закончился, она велела им возвращаться домой. Он предложил посидеть с ней еще, но она не хотела,

чтобы это как-то отразилось на учебе Хуаньюй, которой завтра нужно было рано вставать в школу.

Когда на следующий день после работы она усаживалась в машину, ей на телефон пришло сообщение от Му Дафу: «Отель „Ланьху“, номер 2066, поспеши». Может, он послал ей это по ошибке? Если это так, то будет прекрасная возможность поймать его на месте преступления. Припарковавшись на подземной стоянке отеля, она поднялась на лифте и направилась прямоком в номер 2066. Дверь оказалась полуоткрытой, она пнула ее ногой и увидела, как Му Дафу кувырывается на кровати с какой-то фифой.

– Ни с места! – привычно гаркнула она.

– Ты совсем уже рехнулась, – отозвался Му Дафу.

Тут только она увидела, что облаченный в пижаму муж лежит на кровати у окна и, замерев, вопросительно смотрит на нее. Никакой женщины с ним не было, она поняла, что все это ей пригрезилось, тем не менее она, не сдержавшись, выпалила:

– Не помешала?

– Скорее надевай пижаму.

– Зачем?

– Я пригласил массажисток.

– И не жалко тебе тратиться?

– Мелочи жизни.

Раздался звонок в дверь, после чего в номере появились две девушки. Они пришли сделать каждому из них полный

массаж тела. Что бы ей ни массировали: шейные позвонки, плечи, поясницу, – она то и дело громко вскрикивала, словно вместе с криками хотела выплеснуть все свои обиды. Постепенно она задремала и проснулась, лишь когда массаж уже был закончен. Теперь она чувствовала себя намного комфортнее, все ее мышцы расслабились, даже настроение улучшилось.

– А ты, оказывается, знаешь, как получать удовольствие от жизни, – произнесла она.

– Обстоятельства заставляют, ты же знаешь, что уже несколько месяцев подряд я пишу статью, спина просто отваливается, вот и приходил сюда пару раз, чтобы заказать массаж.

– А почему не пошел в массажный кабинет на первом этаже?

– Ты ведь представляешь, какая там обстановка? Сама бы пошла туда?

– Почему тогда сказал, что играл в карты?

– Не хотел, чтобы ты придумывала лишнего.

– Лучше бы сразу признался...

С этими словами она перекатилась на его половину. Они принялись безудержно прижиматься друг к другу, забыв про обычную сдержанность, новая обстановка многократно разожгла их чувства. Вдруг она с силой его оттолкнула – он еще не успел как следует разойтись, а его уже прервали.

– У тебя каждый раз после массажа было такое развлече-

ние? – словно уличив его во лжи, спросила она.

Настроение его сразу упало, он почувствовал унижение – его, законного мужа, подозревают совершенно незаконно. Все его великие устремления тотчас скукожились и обвисли, теперь он даже сомневался, хватит ли ему сил восстановить былое величие. Между тем она приблизилась и спросила еще раз:

– А ну, отвечай, устраивал ты здесь нечто подобное?

– Это ведь просто массажистки, к тому же при моей-то должности...

– Должность – не оправдание, мы ловили на этом деле куда более крутых.

– Черт побери, можешь хотя бы в постели забыть про работу?

– А кто тебя заставлял так себя вести...

«Он не рассказал правды, хотя узнать ее не составляет труда, – размышляла она, – нужно лишь выяснить, кто именно из массажисток приходил к нему в прошлые разы, после чего спросить их, занимались они чем-то после массажа или нет». Выяснять или не выяснять? Похоже, для нее эта дилемма была сложнее, чем раскрытие дела «Большая яма». «Подсознание» требовало разобраться во всем до конца, а «сверхсознание» твердило, что уже полученное от мужа разъяснение звучит вполне себе адекватно. Ну а ее «сознание», руководствуясь такой полярностью во взглядах, предлагало и во все отложить все эти мысли куда подальше. Однако «подсознание» продолжало раскачивать ее изнутри, подобно тому, как раскачивается всемирный фондовый рынок, когда вокруг начинают ползти сплетни. Она заметила, что с того момента, как оттолкнула его, у него появилось абсолютное психологическое преимущество, будто в целом мире он оказался самым обиженным человеком на свете, и пусть даже он делал вид, что ему все равно, она это почуяла.

Пока она ожидала от него дальнейших оправданий, он уже успел схватить трусы. Она думала, что он просто притворяется, и рассчитывала на то, что он сейчас же расставит все точки над «і», вернется обратно в постель и продолжит незавершенное, однако, надев трусы, он еще и как следует все

утрамбовал, словно показывая, что всё – домик на замочке. Тогда она открыла ему свои объятия, вроде как намекая, что готова все забыть, но он не принял ее романтического настроя, а может, притворился, что ему все равно. Он даже надел рубашку, четко показывая, что никакого шанса на исправление ситуации он ей не предоставит. Тогда она приподняла ногу и постучала ею по кровати, точь-в-точь как в популярном интернет-меме «все внимание на доску», однако он, к ее удивлению, надел уже и брюки.

– Идем, я пока спущусь и оплачу счет, – произнес он.

– А ничего, что мы еще не закончили?

– А кто в этом виноват? Ты так меня запугала, что я весь сдулся.

– Подумаешь, немножко сдулся, сейчас-то ты снова в боевой форме.

Она хотела было притянуть его к себе, но оставила эту затею, будто такая инициатива с ее стороны могла лишить ее лица, причем не только лишить лица, но еще и заставить признать, что она отрицает свои подозрения, из-за чего ее допрос мог потерять всякую аргументацию. Он двинулся к выходу. Не успела еще разгладиться оставленная им на постели вмятина, как раздался шум хлопнувшей двери – хотя он контролировал себя всеми силами, это резкое «бах» в полной мере продемонстрировало его настроение.

Дома он вдруг лишил ее права заниматься домашним хозяйством. Вот он кинул в таз овощи, и она, тут же закатав ру-

кава, приготовилась их помыть, тогда он самым угодливым тоном произнес: мол, отойди в сторонку. Потом, после ужина, она вызвалась помыть посуду. А он в ответ: «Ты и так вкалываешь на работе, эта рутина точно не для тебя». Не успел он закончить фразу, как уже устроился у раковины. Тогда она решила было помочь с уроками Хуаньюй, но он, высушившись из кухни, сказал, что в этом деле важна система, так что не стоит вносить путаницу. Она вытащила пылесос, чтобы прибраться, но тот почему-то не включался. Когда же на кнопку пылесоса нажал он, тот тут же исправно загудел. Двигая щеткой, Му Дафу объяснил: «Ты слишком занята, наша техника с тобой незнакома». Она же подумала, что пока муж таким вот изощренным способом наказывает ее, он одновременно ущемляет ее положение в семье. И пускай ее освободили от физического труда, ее разум ничуть не отдыхал. Она рассуждала так: «Пока тебя намеренно отстраняют от домашних дел, не значит ли это, что семья просто-напросто выкидывает тебя за борт?» К счастью, она вовремя переключила мысли и решила принять все это исключительно как проявление заботы с его стороны.

Помимо этого, теперь он всячески избегал к ней прикасаться. Принимая из ее рук тот же пылесос, он очень постарался избежать физического контакта с ней, словно она была каким-нибудь вирусом. Столкнувшись с ней в дверном проеме, он уклонился настолько явно, что, даже заполни она все пространство, он все равно проскользнул бы мимо, не задев

ее. Когда же она специально хлопнула его по руке, он ша-рахнулся от нее так, словно встретился с каким-нибудь при-шельцем или вампиром.

Покончив с домашними делами, Му Дафу снова засел в кабинете за написание статьи про «запутанный нарратив». Она заварила чашку чая и принесла ему прямо в кабинет, но он с головой зарылся в компьютер. Она намеренно протянула ему чашку, словно проверяя, возьмет он ее все-таки или нет? Он не взял, лишь сказал: «Поставь там». Когда наступил вечер, он принял душ, но все равно тянул время и не ложился в постель, словно поджидая, когда она уснет. На этот раз пришла ее очередь притворяться, и тогда она сперва засопела, а потом даже деликатно, не выходя за рамки приличий, захрапела. Лишь после этого он аккуратно прилег, устроившись на самом краешке кровати, тем самым максимально обозначив свое «дистанцирование». Она положила на него руку, точь-в-точь как в прошлый раз это сделал он. Тотчас последовал «симметричный ответ»: он отшвырнул ее руку так же, как в прошлый раз это сделала она.

«Как будто это я виновата, – удивилась про себя Жань Дундун, – это же он скрывает, зачем ему понадобилось снять номер. К чему теперь все валить с больной головы на здоровую?» Переломный момент случился в номере 2066, в тот самый момент, когда она оттолкнула его. Даже если конкретно тогда он вел себя как подобает, его правота была лишь частичной, что никак не оправдывало его косяков

в целом. Не в силах сдержаться, ее «подсознание», словно отличник, рвалось проявить себя во всей красе. Она сказала:

– Когда ты ушел, я сходилa в массажный кабинет, теперь вся картина мне ясна, и все-таки хочется услышать правду из твоих уст.

– Я уже все сказал, – произнес он ледяным тоном, даже в словах соблюдая дистанцию.

– Это не ответ, – она одновременно и сдерживала себя, и все же продолжала гнуть свою линию, из-за чего между ее намерениями и словами возникло разногласие.

– Ты ведьверишь только в том случае, если я признаюсь в своих грехах, – отчаянно заявил он.

– В самом деле? – У нее бешено заколотилось сердце, она впервые испугалась, что услышит правду.

– Ведь только такой ответ, по-твоему, будет настоящим?

– Прости, ничего я не узнавала, просто хотела тебя напугать.

– Тогда я последний раз говорю, что просто делал массаж.

– Не врешь?

– Ты издеваешься?

Он резко сел и со всей дури нажал на выключатель лампы. Спальню тут же залил яркий свет, и вся его мимика оказалась как на ладони. «Эх, Му Дафу, Му Дафу, – подумала она, – зачем ты только включил этот свет, совсем забыл, кем я работаю. Ты пытаешься выстроить свою защиту с помощью психологической атаки – настойчиво повторяешь од-

но и то же, притворяешься рассерженным, при этом пожимаешь плечами, трогаешь себя за нос, отводишь взгляд. Все это, включая язык тела, выдает тебя с потрохами. За этот твой трюк со светом нам придется заплатить немалую цену...» Она не осмелилась и дальше разгонять свои мысли, а потому так же резко выключила лампу.

– Почему ты так боишься света? – спросил он, снова со всего маху нажимая на выключатель.

Она знала, что когда человек чего-нибудь боится, то предпочитает обвинять в этом другого. Виноватый зачастую использует слабость как оружие. Но вместо того, чтобы разоблачать мужа, она лишь посмотрела на него, да так выразительно, что он сам поспешил вырубить свет.

Он не мог выносить ее взгляда, который, словно рентгеновские лучи, пронизывал до самых костей. «А ведь когда-то выражение ее глаз было совсем другим, иначе как бы я осмелился на ней жениться?»

Когда он впервые увидел ее, ему показалось, что ее взгляд похож на нежнейшее прикосновение, она словно легонько притронулась к его лицу и тут же отпрянула, даже не то чтобы посмотрела на него – всего лишь протестировала его мимику. Это произошло у нее дома, когда ее отец пригласил его в гости выпить. То был лишь предлог, на самом деле тот хотел попросить его написать одну рецензию. Ее отец, Жань Бумо, будучи журналистом со стажем, перед выходом на пенсию собрал все свои репортажи и выпустил их отдельным сборником, и теперь ему срочно требовалась реклама. Так вышло, что его другом оказался научный руководитель Му Дафу, который, собственно, и порекомендовал последнего в качестве рецензента.

В то время Му Дафу был известен в научных кругах своей дерзостью, эта дерзость состояла в том, что он осмелился критиковать прозу Лу Синя и Шэнь Цунвэня. Апеллируя к идейности Лу Синя, он критиковал слабые стороны Шэнь Цунвэня, и в то же время признавая художественное мастерство Шэнь Цунвэня, он критиковал слабые стороны Лу Си-

ня. Словно какой-нибудь подстрекатель, он сталкивал лбами двух признанных корифеев, после чего выступал в качестве рефери. Если бы все-таки понадобилось выбрать лучшего современного писателя, то лично он остановил бы свой выбор на Юй Дафу. А все потому, что Юй Дафу обладал подкупающей искренностью, которая трогала сердца людей. В своей откровенности этот писатель дошел до того, что переложил на бумагу свой опыт общения с блудницами, который почерпнул, пока учился в Японии. Му Дафу казалось, что за многие тысячелетия в среде китайских литераторов наплодилось слишком много лицемеров. Но если ты боишься покопаться в собственной душе, то как можно замахиваться на то, чтобы копаться в национальном характере? Но когда его уже начало, что называется, заносить на поворотах, нашелся некто, кто объяснил, что, восторгаясь Юй Дафу, он на самом деле восторгается собой, и поскольку по именам они являлись тезками, Му Дафу подсознательно досадовал, что фамилия у него все-таки другая.

Разумеется, что сборник Жань Бумо ему совершенно не приглянулся, а на приглашение он откликнулся лишь потому, что не хотел портить отношения с научным руководителем, которому собирался сообщить, что прочесть сборник он добросовестно прочел, но в рецензии так же добросовестно отказал. Однако присаживаясь за стол, он никак не ожидал, что дверь вдруг распахнется и в комнату войдет молоденькая девушка. Ее взгляд коснулся его лишь самую ма-

лость, после чего она на него уже и не смотрела, точно так же он отнесся к сборнику Жань Бумо – скользнул по обложке глазами, а в содержание даже не вникал. Жань Бумо представил девушку как свою дочь, оказалось, что та работает в Сицзянском отделении полиции. До этого момента Му Дафу был не в курсе, что у Жань Бумо есть дочь, да еще и незамужняя, иначе он бы ознакомился с его трудом повнимательнее. И поскольку он обладал хорошим запасом знаний, то удостоившись нежного взгляда дочери Жань Бумо, все-таки решил поощрить ее отца. Тогда он завел речь о том, что труд Жань Бумо отличается спокойным и объективным стилем, что он наполнен жизненной силой и богатым внутренним содержанием, что в нем прекрасно сочетаются духовность и рациональность, что слог его тонок и изящен. При этом складывалось ощущение, что он нахваливает не сборник Жань Бумо, а тот шедевр человеческого рода, который совместно создали Жань Бумо и его супруга. Жань Бумо тихонько посмеивался, но так, что этот смех воспринимался как скромность. А вот его супруга и дочь не смеялись, словно Жань Бумо вполне себе заслуживал всех этих высокопарных похвал.

Заметив, что не произвел на девушку должного эффекта, Му Дафу, пропустив несколько рюмочек, вдруг объявил, что напишет рецензию, в которой сравнит сборник с документальным романом американского писателя Трумена Капоте.

– Кто такой Капоте? – наконец обратилась она к нему.

– Тот, что написал «Хладнокровное убийство».

– Не знаю такого.

– Он же написал «Завтрак у Тиффани», – напомнил он.

– Вот это да! – воскликнула она. – Я смотрела фильм, в нем еще Одри Хепбёрн сыграла главную роль. Выходит, что папа пишет так же здорово?

– Энергетика та же.

– Правда? – В ее взгляде читалось искреннее преклонение перед отцом.

Впервые в жизни он увидел, насколько красив этот благоговейщий взгляд, даром что все восхваления с его стороны представляли собой не более чем китч.

Спустя неделю она ему позвонила и предложила встретиться. И место сама назначила, в книжном баре «Парчовый сад». Не успел он присесть, как она разложила перед ним в одну линейку «Сборник документальной прозы Жань Бумо», роман «Хладнокровное убийство» и ксерокопию написанной им рецензии. Он решил, что сейчас она начнет его в чем-то обличать, и уже психологически подготовился к этому. Но она вдруг произнесла: «Ты крутой». В этот самый миг он заметил, что она смотрит на него с таким же благоговением, как тогда – на отца, однако чем дольше она на него так смотрела, тем сильнее он напрягался, переживая, как бы это не оказалось западней.

– Хорошая книга, – сказала она, взяв в руки «Хладнокровное убийство», – спасибо, что посоветовал.

После этого она показала на отцовский сборник.

– А вот это ни в какие ворота не лезет, спасибо, что открыл мне глаза на моего отца.

Пока она говорила, Мо Дафу бросало то в жар, то в холод, он не понимал, как на все это реагировать. Между тем она сообщила ему, что с детства восхищалась тем, как много статей пишет отец, однако, перечитав их сейчас, поняла, что, кроме описанных в них места, времени и действующих лиц, там больше не за что зацепиться – его слог вовсе не тонок и изящен, стиль – отнюдь не отличается спокойствием и объективностью. Если всю эту писанину сравнивать с «Хладнокровным убийством», то ее вообще невозможно читать. Му Дафу густо покраснел, ладони его вспотели, будто злополучный сборник написал не ее отец, а он сам.

– Но это нисколько не повлияло на мое восхищение тобой, – сменила она тему, – тебе удалось поставить в один ряд две совершенно несопоставимые книги, это прямо как взять нагруженное с одного конца коромысло в Шанхае и идти с ним до самого Пекина и при этом не только не потерять равновесия, но еще и добраться до места назначения. На одном конце коромысла ты нес хлопок, а на другом – железо. Похвально.

Он никак не ожидал, что Жань Дундун приведет такую яркую метафору, оказывается, она – умная девчонка, на сей раз пришла пора восхититься ему. Они обменялись взглядами и поняли, что нашли друг друга. Они словно вступили в мощный резонанс и осознали, что все это Жань Бумо под-

строил специально, что Жань Бумо никогда и не думал искать себе рецензента, вместо этого он искал зятя.

В глубине души Мо Дафу усмехнулся, довольный собой. Его губы растянулись в сладкой улыбке – кажется, облизнись, и почувствуешь сладость.

– Чего смеешься? – вдруг донесся из темноты ее голос.

«Оказывается, она еще не спит... С другой стороны, не может же она знать, о чем я думаю», – спохватился Мо Дафу. Решив, что ему просто показалось, он не стал отвечать. Тогда она повторила вопрос. Он испугался и сказал, что и не собирался смеяться.

– Я же ясно слышала, – она перевернулась к нему, раскачивая матрас.

– Да так, вспоминал, – откликнулся он.

– Нашу первую встречу?

– Как ты догадалась? – У него даже волосы встали дыбом.

– Я могу забираться в твое сознание.

– И что же ты почувствовала?

– Ты недоволен, что я не такая ласковая, как раньше.

– Да, даже взгляд у тебя стал злобный, смотришь как на преступника.

– Мой взгляд не изменился, это тебе так кажется, потому что совесть нечиста.

– Да что ты? К чему такая грубость, ведь раньше ты была такой нежной?

– Раньше ты мне не врал... – Она принялась всхлипывать.

И пускай эту фразу она произнесла не совсем серьезно, прозвучало это очень неприятно, будто он вообще никогда не относился к ней хорошо или же постоянно ей врал. Его тотчас захлестнуло плотной волной стыда: за свой обычно повышенный тон, за абы как приготовленную еду, за то, что как следует не следил за успеваемостью дочери в школе. Даже в темноте он прекрасно представлял себе, как она плачет: как вздрагивает ее спина, как дрожат губы, как скатываются, увлажняя наволочку, ее слезы, как краснеют кончик ее носа и глаза... С болью в сердце он перевернулся на другой бок и прижал ее к себе. На сей раз она его не оттолкнула и словно котенок продолжала подрагивать в его объятиях. Он крепко-крепко обхватил ее, точно хотел унять ее дрожь, а заодно передать немного сил. Он-то знал, что она вовсе не такая сильная, какой себя выставляет; как и всякой девушке, ей требовалась защита.

Раньше он не был таким, думала она, раньше он был совершенно искренним. К примеру, уже незадолго до свадьбы она спросила, целовал ли он кого-нибудь до нее? И он ответил, что целовал.

– Кого?

– Сокурсницу.

– С чего вдруг?

– Тогда мы были влюблены. Потом я остался на юге, а она уехала на север, на поцелуях все и закончилось.

– И сколько раз вы целовались?

– Одиннадцать. На десятый раз мне даже подумалось, что мы расстанемся.

– Почему?

– Почувствовал, что у нее неприятно пахнет изо рта.

– Вы занимались сексом?

– Нет.

– Обманщик.

– Да чтоб мне провалиться.

– Столько раз целовались и при этом не переспали?

– Не то чтобы я этого не хотел, даже, помнится, снял номер, но не смог переступить через себя.

– Почему?

– Из-за родителей. Они у меня интеллигенты, причем

очень консервативные, робкие и послушные, в свое время пережили голод, занимались самокритикой, повидали, как-то приходится тем, кто ведет себя неподобающим образом. С тех пор как я что-то стал смыслить в этих делах, они говорили о «сексе» только в уничижительных тонах, точно так же они говорили и о себе. Постоянно внушали, что «секс» – это нечто грязное, что в нем находят удовольствие лишь совсем оскотившиеся элементы. И мама, и папа постоянно напоминали, что я поступил в университет и стал аспирантом благодаря заботе партии и правительства, а потому ни в коем случае мне нельзя преступать закон. Если я пересплю с кем-то до свадьбы, это будет не только незаконно, но еще и безнравственно.

Она спросила его про первую любовь, всего лишь желая проверить на искренность, никакие подробности ей не требовались, да это и невозможно – взять и обнулить все свои прошлые связи. И все-таки его доводы не смогли ее убедить, пока в один прекрасный день, уже спустя пару лет после свадьбы, она не обнаружила в приготовленных на продажу старых книгах его дневник времен учебы в аспирантуре, в котором он подробнейшим образом описывал свои отношения с той сокурсницей. Она пересчитала количество их поцелуев и действительно получила цифру одиннадцать. К тому же в дневнике он неоднократно напоминал себе о том, что не должен заниматься сексом до брака, чтобы перед лицом родителей не превратиться в предателя. Для пущей убе-

длительности он даже переписал отрывок из рассказа Юй Дафу «Снежная ночь», дабы предостеречь себя примером главного героя, мучавшегося от угрызений совести после утраты целомудрия: «Оно того не стоит! Оно того не стоит! Мои мечты, мои планы, весь мой пыл послужить стране — что от всего этого теперь осталось? Что осталось?» После того как она прочитала дневник, у нее защемило в носу, так тронула ее искренность мужа.

Прожив с ней столько лет в браке, он ничего никогда не скрывал, включая личную жизнь. Взять, к примеру, случай двухлетней давности, когда в него безответно влюбилась одна его бывшая магистрантка. Что ни день она слала ему по десять с лишним SMS, открытым текстом сообщая, что хочет занять место его жены. Вообще-то эту проблему можно было решить без лишнего шума, ни о чем не докладывая жене. Однако он объяснил, что, скрывая от нее правду, чувствует себя не в своей тарелке, это сказывалось даже на его движениях — ни дать ни взять пересекающий таможенную контрабандист. Поэтому с самого первого послания магистрантки он докладывал жене все подчистую и даже обращался к ней за советом. Она ему намекнула, что своих вошек каждый должен выводить сам.

Тогда он стал ежедневно писать бывшей ученице длинные письма, уговаривая одуматься и остановиться, пока не поздно. Самым длинным было послание под названием «О нереалистичности безответной любви в новелле Цвей-

га „Письмо незнакомки“». Это и посланием-то сложно назвать – целое сочинение получилось. Его краткое содержание сводилось к следующему: «В своем произведении Цвейг создал образец тайно влюбленной женщины, которая еще в тринадцать лет полюбила одного писателя. Повзрослев, она нашла возможность несколько раз устроить с ним свидания, более того, ничего ему не сказав, родила от него ребенка. Но, когда она умирала, герой так и не вспомнил, кто она такая. И пускай сам автор проявляет к ней сочувствие, финал этой истории крайне трагичен. Надеюсь, история послужит тебе предостережением, не кидайся в этот омут».

Он совсем не ожидал обратного эффекта: чем длиннее были его послания, тем безумнее вела себя магистрантка, дошло до того, что она принялась угрожать, что лично встретится с его женой. Как тут быть? Он предупредил жену об опасности. Та просмотрела все его послания, после чего спросила:

- Ты правда хочешь обрубить все концы?
- Зачем бы тогда я тебя беспокоил?
- Хорошо, тогда оставляй свой мобильник и компьютер дома, а сам езжай на недельку к Жань Бумо, побеседуй с ним о документальной прозе, а потом вернешься.

Он без всяких возражений так и поступил. Спустя семь дней в его мобильнике и в электронной почте установилось полное спокойствие, настолько полное, что стало даже как-то непривычно, прямо как во время посадки самолета, когда

тебе вдруг неожиданно закладывает уши и ты ничего не слышишь.

– Как ты это устроила? – спросил он.

– Ничего и делать не пришлось, тут просто требовался семидневный карантин.

– Ты ей даже не угрожала?

– А тебя это разочаровало?

Он кивнул в знак согласия.

Такая непосредственность приводила ее в полное умиление. Чем больше ей казалось, что он с ней откровенен, тем больше он старался во всем раскаться. Он рассказал, что не разрывал отношений с магистранткой из-за того, что его грела мысль о тайной поклоннице, поэтому он одновременно и хотел, и не хотел этой связи. Тогда жена ему сказала:

– Оказывается, все с тобой в порядке, а то я было подумала, что ты страдаешь крайней формой нарциссизма.

За эти долгие годы она уже приспособилась к прозрачности Му Дафу, поэтому даже мало-мальский обман с его стороны раздувался ею до невероятных размеров, до таких, что она чувствовала вокруг себя сплошную грязь и обман. «Он меня просто избаловал, – думала Жань Дундун, – а когда человек к чему-то привыкает, он словно следует раз и навсегда установленным правилам игры, поэтому измениться ему ох как трудно, прямо как в знаменитом изречении Лу Синя, которое любит повторять Му Дафу: „К сожалению, переделать Китай слишком сложно, даже если просто нужно передви-

нуть стол или переложить печь, сделать это придется ценой крови; и даже если заплатить за это кровью, далеко не факт, что стол сдвинут, а печь переложат“»⁵.

«Смогу ли я измениться? – спрашивала себя Жань Дундун. – Смогу ли понизить свои требования к нему? Ведь пока он во всем признается, не думая о последствиях, меня в большинстве случаев, особенно когда речь идет о раскрытии убийства, интересует не столько правда, сколько наказание».

Она принялась его тормошить, приговаривая:

– Му Дафу, обещаю, что не буду сердиться, но мне нужно услышать правду.

– А во что ты больше поверишь? В просто массаж или в массаж с продолжением?

– В последнее.

– Тогда последнее и было. Прости, после массажа я и правда заказал продолжение.

Она почувствовала, как перед глазами у нее потемнело, при том что вокруг и так уже было темно. Она никак не ожидала, что не сердиться окажется настолько сложным.

⁵ Цитата из очерка Лу Синя «Что произойдет после того, как Нора уйдет из дома» (1924).

Ответ прозвучал, и пускай этот ответ был неприятным, на несколько дней она успокоилась, точнее, всю ее словно парализовало от мощнейшего удара, и пока она пребывала в таком одеревеневшем состоянии, отходя от боли, на нее вдруг напала какая-то нездоровая веселость. Эта веселость происходила от того, что он наконец-то перестал ее обманывать, наконец-то рассказал ей правду и признал вину.

На четвертый день в ее сознании возник еле заметный протест, он был подобен малюсенькому пузырьку, поднимавшемуся из водных глубин, звучал он совсем слабо, но в нем четко опознавался голос Му Дафу. «Как его голос проник в мою голову? Не иначе обменялись биотоками, пока находились рядом».

С того самого вечера, как Му Дафу признался, что сходил налево, он намного чаще кривил рот в холодной усмешке, готовил он теперь тоже отвратно, особенно овощи, которые всякий раз пересаливал до горечи. В минуты общения он все чаще просто угукал или хмыкал в ответ, ясное выражение на его лице все чаще сменялось унылой хмуростью. Он явно хотел, чтобы после признания вины к нему проявили великодушные, но теперь складывалось ощущение, что к этому признанию его принудила она. На его лбу складками залегли обида и несогласие, которые эхом отдавались в ее мыслях.

После работы Жань Дундун вдруг обнаружила, что припарковалась на стоянке отеля «Ланьху». Странно, когда она села за руль, то хотела сразу поехать домой, но пока ехала, подсознательно свернула сюда, словно в нее встроили автоматический навигатор. Не веря своим глазам – или делая вид, что не верит, – она объяснила это обычной двигательной памятью. Раз уж приехала, направилась в массажный центр и сделала себе комплексный массаж. Все ее мышцы, акупунктурные точки и каналы пришли в надлежащий тонус, в то время как на душе продолжали скрести кошки. Она чувствовала, что одна из проблем так и не решена. Что же это за проблема? Она притворилась, будто бы вспомнила о ней только сейчас, словно это было что-то совершенно неважное и побочное. Поэтому как бы между прочим заглянула в журнал регистрации салона и просмотрела в нем все записи за предыдущие два месяца. Так же невзначай она расспросила дежурную и мастера. Полученные ответы стали для нее настоящим сюрпризом: оказывается, никаких массажисток Му Дафу к себе не вызывал. Откровенность обернулась ложью, вся ее веселость внезапно улетучилась, сердце тотчас захлестнуло болью.

Но для чего тогда ему понадобилось снимать номер? Не иначе как для свиданий. С кем он встречался? Она сразу подумала о Бай Чжэнь.

Последние лет пять он ежегодно писал статьи с отзывами о ее творчестве, причем иногда эти отзывы были длиннее

оригинальных произведений, будто к ее текстам требовалось чрезвычайно много разъяснений. В его изложении сочинения Бай Чжэнь отличались полнотой, лиричностью, тонкостью и очарованием. В голове Жань Дундун все эти красивые слова никак не ассоциировались с литературным стилем, а замыкались на самой писательнице.

Она видела Бай Чжэнь лишь однажды, это было три года назад, когда та пришла к ним домой, чтобы специально навестить Му Дафу. Формы у Бай Чжэнь и правда отличались полнотой, линия бровей была утонченной, а все движения – можно сказать, очаровательными. Что же до лиричности, дилетант мог ее не разглядеть, но раз уж специалист утверждал, что таковая имеется, значит, так оно и было. «При чем тут вообще ее рассказ, – размышляла Жань Дундун, – он же откровенно поет дифирамбы этой дамочке». По словам Му Дафу, запутанный нарратив в прозе Бай Чжэнь напоминал хождение по лабиринту среди гор и рек, которым не было ни конца ни края, это был рассказ в рассказе, сон во сне, переплетение реальности и нереальности, Бай Чжэнь глубоко проникала в Бай Чжэнь, сюжет, закручиваясь вверх по спирали, достигал своей запутанной кульминации. Такого рода оценки, вместо того чтобы возбудить интерес к рассказам писательницы, рождали у Жань Дундун ассоциации с тонкими белыми руками Бай Чжэнь, которые, словно буйная тропическая растительность, вытягивались все сильнее и сильнее, обвиваясь вокруг Му Дафу. В своих статьях он указы-

вал на то, что хотя главная тема в прозе Бай Чжэнь выглядит смелой и свободной, ее ни в коем случае нельзя рассматривать как обычную похоть, поскольку это не что иное, как проявление феминистского сознания.

«Интересно, – размышляла про себя Жань Дундун, – до какой степени Бай Чжэнь осознает то, что творит, может ли она сознательно поддаться на его соблазны?» По ее личным подсчетам, Му Дафу при оценке прозы Бай Чжэнь в каждой своей статье в среднем по одиннадцать раз использовал слово «запутанный», по восемь раз – слово «наполненный», по семь раз – «очаровательный» и «экзальтированный», по пять раз – «соблазнительный» и «кульминационный», по три раза – «влажный» и один раз «несгибаемый».

Она читала рассказы Бай Чжэнь, и они ей не нравились, она не находила в них ничего выдающегося, ничего из того, что подмечал Му Дафу. Впрочем, один рассказ впечатление на нее все-таки произвел, назывался он «Одна ночь». Он был про то, как некая героиня вместе с другими писателями отправилась в прибрежный регион собирать фольклор. Оказавшись в красивом местечке, незнакомые прежде люди спустя буквально полчаса смущения принялись рассказывать друг другу свои истории. В какой-то момент героиня предложила никому не закрывать на ночь дверь, сказав, что зайдет к каждому, чтобы познакомиться поближе. Вечером, не зная, как в результате поступили остальные, сама героиня действительно не стала запираť дверь. Ей просто хоте-

лось проверить, найдется ли в их компании человек с реверсивным мышлением? Ближе к утру ее дверь со скрипом отворилась, проникший в ее владения неизвестный попросил не включать свет. Собственно, она делать этого и не собиралась. Не говоря ни слова, они провели в страстных объятиях друг друга более полутора часов. На следующий день все продолжили собирать фольклор, героиня понятия не имела, кто именно к ней приходил, подозревая то одного, то другого. Единственной уликой, которую оставил неизвестный, было то, что в момент экстаза он выкрикнул слово «кайф». Следующей ночью к ней в комнату снова попытались проникнуть, однако на этот раз она свою дверь заперла на ключ. Ей хотелось сохранить на память пленительные воспоминания об одной, но никак не о двух ночах. При этом ей не хотелось, чтобы личность незнакомца была установлена, она предпочитала подозревать сразу нескольких человек. Такого рода неопределенность ублажала ее безграничное воображение и вместе с тем избавляла от каких бы то ни было последствий.

Когда Жань Дундун читала этот рассказ, у нее родились кое-какие сомнения, она даже потребовала доказательств у Му Дафу, однако тот сказал, что первой особенностью рассказа является вымысел, и второй, собственно, тоже. Такого рода объяснение несколько усыпило бдительность Жань Дундун, между тем уже тогда в ее голове прозвенел первый звоночек: возможно ли при полном вымысле наличие сра-

зу двух совпадений? Во-первых, сами они, занимаясь любовью, тоже предпочитали делать это в темноте, а во-вторых, когда Му Дафу испытывал наивысшее наслаждение, то тоже выкрикивал «кайф».

Но то было два года тому назад, в то время она в нем не сомневалась, у нее и мыслей таких не возникало – как не бывает морщинок на молодой коже или ветра на необъятной равнине. Она полностью ему доверяла до тех пор, пока не обнаружила, что муж снимал номера в отеле. Когда у нее был включен режим доверия, то всякого рода сомнения игнорировались, когда же активировался режим сомнения, то даже мало-мальские подозрения стали выскакивать одно за другим, отзываясь назойливым эхом, словно экспрессивные словечки в статьях Му Дафу.

В ходе расследования дела «Большая яма» Жань Дундун выяснила, что за полгода до публикации этого рассказа Му Дафу ездил в один приморский городок, где собирал фольклор для какого-то журнала, и, что самое интересное, среди остальных участников проекта была Бай Чжэнь. В книжном шкафу мужа Жань Дундун обнаружила номер журнал за тот год, в котором на внутренних сторонах обложки были размещены сразу десять фотографий с того мероприятия. Среди них она нашла пять фотографий, на которых красовались Му Дафу и Бай Чжэнь, причем их совместные фото были окутаны каким-то флером загадочности. Тогда она просмотрела недавние посты Бай Чжэнь в соцсетях и с удивлением

обнаружила, что двадцатого числа прошлого месяца, в тот самый день, когда Му Дафу снял номер в отеле, Бай Чжэнь приезжала в их город на презентацию своей новой книги, и среди почетных гостей на этой встрече был не кто иной, как Му Дафу. «Если в город приезжала Бай Чжэнь, то почему он не сообщил об этом мне?» – подумала Жань Дундун.

На выходных Му Дафу отправился на встречу. Жань Дундун осталась с дочерью дома и взяла на себя приготовление ужина. Пока она жарила овощи, без конца повторяла про себя: «Главное – не пересолить»; когда же они сели ужинать, то вкус ей показался каким-то странным.

– Как тебе на соль? – обратилась она к Хуаньюй.

– Несоленное.

– Ты просто привыкла к папиной еде, которая явно на любителя.

– Папа вкусно готовит, зато мама лучше объясняет математику, – ответила дочь.

«Какая сметливая, – подумала Жань Дундун, – маленькая, а уже понимает, как сохранить баланс между папой и мамой».

В десять вечера, уложив Хуаньюй спать, она вытащила из нижнего отсека своей шкатулки сигарету, осторожно выскользнула на балкон спальни и закурила. Уличные шумы заметно ослабли. Окна в многоэтажке напротив уже наполовину были темными, самым светлым оставалось лишь место под уличным фонарем за северными воротами. Вдалеке между высотками всеми цветами радуги переливались рекламные щиты. С реки, приятно лаская лицо, дул легкий ветерок. Со стороны могло показаться, что Жань Дундун уле-

тела куда-то далеко в свои безграничные фантазии, но на самом деле она вообще ни о чем не думала, в ее голове царил полный вакуум.

Вдруг дверь на балкон открылась, в проеме появился он. Надо же, как она отключилась, даже не услышала его шагов. Он поймал ее с поличным. Она быстро потушила сигарету и извинилась, сославшись на то, что в последнее время на работе напряженка, вот и не утерпела. До свадьбы она время от времени тоже прикладывалась к сигаретам, пытаясь побороть сон, пока работала над раскрытием дела, но поскольку Му Дафу не переносил запах табачного дыма, ему не хотелось, чтобы его жена курила. Она все прекрасно поняла и без лишних слов курить бросила. Все одиннадцать лет замужества Жань Дундун избегала сигарет и других мужчин, но кто бы мог подумать, что в последние дни она возьмет и сорвется.

– Если тебе от этого легче, то кури, но так, чтобы Хуаньюй не видела, – произнес он.

– Нет, я должна держать слово.

– Ты уверена, что справишься? – Он как-то странно посмотрел на нее.

Она решительно кивнула.

Он прошел в комнату и увидел на столе старый журнал. Полистав его, заметил, что их совместные с Бай Чжэнь фотографии испещрены какими-то линиями, каждая из них представляла собой стрелку, которая начиналась от глаз Бай Чж-

энь и заканчивалась на его лице.

– Жань Дундун, как это понимать?

Она вышла на порог балкона и, прислонившись к косяку, задала встречный вопрос:

– А сам не догадываешься?

– Ума не приложу.

– Почему она, где бы то ни стояла, не спускает с тебя глаз? – холодно улыбнулась Жань Дундун.

Тогда он, горько усмехнувшись, взял линейку с карандашом и принялся чертить новые линии. Пять его линий оказались более ровными и короткими, при этом каждая из них заканчивалась не на нем, а на мужчине, что стоял с ним рядом. Швырнув журнал обратно, он произнес:

– Посмотри внимательнее.

Она подошла ближе, наклонилась и, ткнув в незнакомца, спросила:

– Кто это?

– Муж Бай Чжэнь, – раздраженно откликнулся он.

«Железное доказательство, – подумала она, – тут в самую пору порадоваться, но почему он так раздражен?»

Она решила продолжить наступление:

– У Бай Чжэнь такое выражение лица, будто она смотрит на любовника.

– Правда? – усмехнулся он. – А я-то тут при чем, если она смотрит не на меня? Кстати, на фото все просто стоят, откуда такие выводы?

– Интуиция, – сказала она как отрезала, словно интуиция могла разрешить любые сомнения.

– Страдающий поносом будет вздрагивать при каждом пуке, – хмыкнул он. Но если до этого в его усмешке было сомнение, то теперь в ней слышался сарказм.

– Ты так ведешь себя, словно защищаешься. Самозащита говорит о том, что в шкафу у тебя припрятаны скелеты.

– Какая защита? Какие скелеты? – Он широко развел руками, словно встретившись с каким-то гигантом.

– Ты и Бай Чжэнь... – Ее взгляд впился в него, словно гвоздь в дерево.

– Ты сбрендила! – Он резко поднялся и принялся нервно ходить по комнате.

– Чем больше ты злишься, тем больше это доказывает, что я попала в точку.

– Где тут логика? – Он ударил рукой по столу. – Ты можешь порочить меня, но не смей, пожалуйста, порочить других.

– Посмотрите-ка, как мы страдаем, – наседала она. Не желая продолжать перепалку, он направился вон из комнаты.

– Ты укрываешься, – бросила она ему вслед.

– К чему мне укрываться? – Он вдруг повернулся к ней лицом и, боясь разбудить Хуаньюй, прикрыл поплотнее дверь.

– Так-то лучше. – Она уселась за стол, словно собираясь

продолжить допрос.

Постепенно придя в норму, он опустил на свое обычное рабочее место. Разделенные столом, они сидели друг против друга, это позволяло сохранить дистанцию в сорок пять сантиметров – из всех возможных социальных дистанций для супругов это была максимально удаленная. Для нее такое расстояние было идеально, чтобы вести разговор: окажись они ближе, она бы стала уязвима для него физически, а окажись дальше – ее угрозы потеряли бы должное воздействие.

– Насколько мне стало известно, те два раза ты не заказывал никакого массажа, – произнесла она, выдержав паузу.

– Так никакого массажа и не было. – Он снова стал приходить в раздражение.

– Ты ведь сам рассказал про массаж, еще и признал, что это был массаж с продолжением, – удивилась она.

– Ты могла поверить только в такой вариант, я постоянно вынужден тебе уступать, приноравливаться к тебе, подстраиваться под тебя, потому что тебе нужна не правда, а только то, что ты сама хочешь услышать.

– И в чем тогда заключается твоя правда?

– Мы играли в карты.

«Ну и хитрец», – усмехнулась она про себя, и в этот момент ей показалось, что и он про себя тоже усмехнулся. Ведь он с самого начала запутался, называя имена приятелей, причем, пытаясь внести поправки, запутывался лишь сильнее, даже идиот такому не поверит. Очевидно, что он не хочет

говорить правду, но без этого решить противоречие не получится, а раз так, нужно это противоречие обострить, чтобы он почувствовал невыносимую горечь страданий. И она продолжила:

– В один из дней, когда ты снимал номер, в наш город как раз приехала Бай Чжэнь, как так совпало?

– Издательство организовало ей проживание в отеле «Парчовый сад», это легко проверить, – бесстрастно ответил он.

– Она могла там и не проживать, это могло быть просто ширмой.

– Ну, тогда мне нечего сказать.

– Другими словами, молчание – знак согласия?

Он помолчал, а потом вдруг повысил голос:

– Ты чего в конце концов добиваешься?

«Снова встречный вопрос», – подумала она. Во всех его вопросах от «как это понимать?», «что мне скрывать?», «какая защита?», «какие скелеты?» до «где тут логика?», «к чему мне укрываться?», «ты чего в конце концов добиваешься?» отсутствовала убедительность, он словно хватался за слова, чтобы не молчать или успеть продумать ответы. Она была твердо уверена, что совесть его нечиста, поэтому решила раскрыть свои карты:

– Раз ты продолжаешь врать, могу предложить только развод. Твои выходки и так уже серьезно сказались на моей работе, в частности, на установлении личности преступника.

– Развод так развод. Когда? – абсолютно спокойно отреагировал он, словно давно этого ждал или морально уже был к этому готов.

– Подождешь, пока я поймаю убийцу? У меня сейчас правда нет на это никаких сил, – предложила она деловым тоном.

– Я только боюсь, что ты будешь ловить убийцу всю жизнь, – злобно усмехнулся он.

– Не бойся, это случится скоро. – Она была преисполнена уверенности, будто преступник уже находился на расстоянии вытянутой руки.

До обеда, после допроса подозреваемого, она получила сообщение с незнакомого номера: «Встретимся в 20:00 в книжном баре „Парчовый сад“, есть разговор, приходите одна». Она еще раз глянула на номер, он относился к другой провинции.

После ужина она переоделась в штатское, вовремя прибыла в назначенное место и заняла местечко за столиком у окна. Минут десять спустя напротив нее присел щегольски одетый господин. Его лицо показалось ей знакомым, но припомнить точно, кто это, она не могла. Он представился супругом Бай Чжэнь, Хун Аньгэ. Вот это да! Она наконец вспомнила, что видела его на фото в журнале. У него было холерное лицо, небольшие глаза, но при этом густые брови, выглядел он очень элегантно, да и держался представительно. Помнится, Му Дафу рассказывал, что тот был специалистом в сфере связи, но поскольку любил литературу, то женился на писательнице – ни дать ни взять любитель молока, который завел себе дойную корову.

– Специально прилетели? – спросила она.

Вместо ответа он разлил по чашкам чай из захваченного с собой термоса. Жань Дундун знала этот сорт, его как-то дарила им Бай Чжэнь, чай отличался таким первоклассным вкусом, что она на него даже подсела. Хун Аньгэ при-

нялся рассказывать, что они с Бай Чжэнь большие любители чая, что у себя на родине они содержат большую чайную плантацию, что эта плантация находится высоко в горах, что рядом с ней нет никаких промышленных заводов, круглый год в этих краях стоят туманы и воздух там наичистейший... Речь его лилась настолько гладко, словно он выступал в роли чаесторговца.

Жань Дундун глянула на часы и попросила:

– Может, не будем углубляться в запутанный нарратив, как это делает ваша супруга? Давайте перейдем к делу.

Он на мгновение замер, после чего снова продолжил говорить про чай.

– То есть вы приехали, чтобы рассказать, что у вас в семье все прекрасно, так?

– Так, так, – кивнул он.

– А еще вы, наверное, хотите сказать, что вы с Бай Чжэнь любите друг друга? – не спуская с него глаз, спросила Жань Дундун.

– Так, так, – он продолжал кивать.

– Вас прислал ко мне Му Дафу?

От испуга он тотчас поставил чашку на стол и затараторил:

– Нет-нет, просто я увидел, что профессор Му прислал сообщение Бай Чжэнь, в котором написал, что вы их подозреваете, поэтому я, собственно, и прилетел.

– А вы их ни в чем не подозреваете?

– Бай Чжэнь очень меня любит, она не может мне изменить.

– Вы читали ее рассказ «Одна ночь»?

– Да-да, в нем как раз описывается наша история.

– То есть вы предпочитаете заниматься этим в темноте и в конце кричать «кайф»?

Лицо его тотчас залилось краской. Сорокалетний мужчина – и вдруг краснеет? Ее это удивило, она даже прониклась к нему симпатией.

Он осторожно сделал несколько глотков, после чего, заикаясь, произнес:

– Я просил ее не вдаваться в детали нашей личной жизни, но она меня не послушала, все это очень неудобно.

Сказав это, он продолжил смаковать чай, незаметно поглядывая на собеседницу. Всем своим видом он напоминал нашкодившего мальчишку; могло показаться, что вина лежит не на Бай Чжэнь, которая вытащила на поверхность детали интимной жизни, а, собственно, на этих самых деталях. Жэнь Дундун вдруг стало стыдно, она и подумать не могла, что ее разногласия с Му Дафу вдруг нанесут вред семье, которая находилась от них за тысячи километров. Вместе с тем в душе она завидовала, завидовала тому, насколько сильно Хун Аньгэ доверяет Бай Чжэнь.

– Простите, – произнесла она, – я ошибочно обвинила Бай Чжэнь. При случае я обязательно принесу ей свои извинения лично.

– Ничего, ничего, – замахал он, – мы с Бай Чжэнь совершенно не сердимся. Профессор Му – порядочный человек, его очень ценят в интеллектуальных кругах. Он не замешан ни в каких скандалах, все свободное время проводит дома, слабый пол считает его несговорчивым – он слишком сильно вас любит.

Если бы не эта последняя фраза, в которой он, что называется, пририсовал змее ножки, она бы даже уверилась в честности и порядочности своего мужа. Однако всего одна лишняя реплика полностью перевернула ее впечатление от разговора, одним махом разрушив только что выстроенную башню из кубиков. Зато благодаря этой фразе она поняла, что Хун Аньгэ – заступник, которого подослал к ней не кто иной, как Му Дафу. Вполне возможно, что и билет на самолет ему тоже обеспечил Му Дафу, да и весь этот разговор Хун Аньгэ наверняка передаст Му Дафу. Тогда она решила сменить тактику и объявила, что хотя и ошиблась в отношении Бай Чжэнь, но при этом абсолютно уверена, что муж ей изменяет, и только потому, что у нее сейчас слишком много сил отнимает работа, она не имеет возможности выяснить до конца, кто на самом деле является его любовницей.

– Это точно не Бай Чжэнь. Когда она прилетала на презентацию, мы с ней общались по видеосвязи, и это продолжалось до двух ночи.

– А после двух ночи? Лично мы с Му Дафу, когда были влюблены, могли не спать до утра, – уколола она Хун Аньгэ.

Тот поперхнулся, взял чашку и отпил пару глотков, его кадык дважды скользнул туда и обратно. Пару раз он тихонько прокашлялся, его невозмутимость как ветром сдуло. Тогда она спросила:

– С какого времени вы кричите «кайф»?

– С тех пор, как мы влюбились. Я всегда так делал. – Он не понял ее намека.

– А вот Му Дафу делает так только последние года три. Возможно ли, чтобы кто-то попросил его об этом?

– Возможно. Вообще-то у меня тоже имелись подозрения, и, хотя сегодня я прилетел, чтобы защитить жену, на душе у меня очень даже беспокойно.

На этом их разговор оказался исчерпан, оба понимали, что продолжать его они не в силах. Они словно боялись навредить себе же, хотя внешне это выглядело как разоблачение Му Дафу и Бай Чжэнь. Сперва они продолжали пить чай, но поскольку вечно пить чай они не могли, поэтому погрузились в молчание. Она взглянула на часы. Он произнес:

– Я привез две коробки чая, удобно будет пройти со мной, чтобы взять?

Она встала со своего места. Он пошел оплачивать счет. Они поднялись на лифте. Вошли в номер. Освещение внутри было приглушенным, что создавало несколько интимную обстановку. Передавая чай, он случайно коснулся ее руки, оба, словно испугавшись чего-то, отпрянули друг от друга, коробки упали на пол.

– Хочешь им отомстить? – спросил он.

Она кивнула и тут же замотала головой. Он сгреб ее в объятия. Сама удивившись, она его не отстранила. Стискивая ее все крепче, он чуть слышно прошептал ей в самое ухо:

– Можно?

До мурашек лаская слух, его шепот будил желание. Однако она ничего не ответила. На какое-то время она растерялась и впала в ступор, словно ее поместили в сильное магнитное поле с одинаково заряженными полюсами, тянувшими ее в противоположные стороны. Он приблизился, чтобы поцеловать ее. Она его остановила. Тогда он опрокинул ее на кровать, собираясь расстегнуть на ней блузку. Она крепко схватилась за ворот и попросила его остыть. И он остыл, сел рядом, уставился на нее. Тогда она разрешила ему раздеть себя, но с условием, что, расстегивая очередную пуговицу, он каждый раз должен будет отвечать на один вопрос. Он кивнул.

– Ты веришь, что они изменяли?

– Верю.

Он расстегнул первую пуговицу.

– Ты говорил, что она – любовь всей твоей жизни?

– Она первая мне изменила.

Он расстегнул вторую пуговицу.

– Получается, что потом ты будешь обманывать себя?

– Вся наша жизнь – обман.

Он расстегнул третью пуговицу.

– Ты хочешь уподобиться им?

– Мы будем квиты.

Он расстегнул четвертую пуговицу.

– А что мы скажем детям?

Его руки вдруг задрожали, следующую пуговицу он расстегнуть не смог, словно наткнулся на мертвый узел.

– Прости, – проговорил он, вытирая глаза, из которых вот-вот готовы были политься слезы.

Он заплакал, словно обиженный кем-то мальчишка, и пока он плакал, то одну за другой застегивал на ней только что расстегнутые пуговицы.

– Мы – не они. – Она резко уселась на кровати. – Хорошо, что ты не расстегнул пуговицы до конца, иначе я бы в тебе обманулась. Я просто тебя проверяла. Ты не выключил свет, хотя говорил, что предпочитаешь заниматься этим в темноте. Ты их покрываешь.

Сказав это, она вышла из номера. Чувствуя себя так, словно из него выкачали литр крови, он в оцепенении рухнул в кресло, вспоминая все, что только что произошло, словно все это случилось во сне.

Вернувшись домой, она увидела, что вся гостиная завалена кучами старых журналов, книг и другим барахлом. Му Дафу находился в гардеробной, нагнувшись и выставив зад, он копался в шкафу. Она сняла пальто. Собираясь повесить его, она вдруг заметила, что в ее секции царит идеальный порядок – вся одежда висит, разделенная по сезонам, на полках аккуратными стопочками уложено белье и другие предметы гардероба. Он высунулся наружу, глянул на нее, но при этом даже не поздоровался. Она убрала пальто в шкаф и присела на банкетку. Он принялся складывать одежду из своей секции.

– Развод еще не оформлен, а ты уже собираешь вещи? – отметила она.

– Ничего я не собираю, просто навожу порядок. Когда в доме черт ногу сломит, то и атмосфера соответствующая.

Она холодно усмехнулась.

– Это ты вызвал Хун Аньгэ?

– Нет. Но он только что прислал мне сообщение, написал, что тебя до конца дней следует холить и лелеять, просил беречь тебя.

С этими словами он вынул мобильник и, найдя сообщение, показал ей.

Она снова холодно усмехнулась:

– Это уже перебор. Он пишет так, потому что боится, как бы ты не увел у него жену.

– Ты меру-то знай! – В сердцах Му Дафу одним махом развалил только что сложенную стопку одежды.

«Знать меру? – подумала Жань Дундун. – Если бы ты сам соблюдал меру, я бы не оказалась сегодня в объятиях другого мужика, который повалил меня на кровать и чуть было не отымел. У меня никогда никого, кроме тебя, не было, но твои выходки вынуждают меня отплатить тем же».

– Как это называть? – Он швырнул перед ней пачку сигарет. – Ты же говорила, что бросила, а сама тайком прячешь это.

– Девятнадцать штук, просто забыла выбросить, курить не курила, – проговорила она, заглядывая внутрь пачки.

– А это? – Он швырнул ей флакончик с флуоксетином. – Выходит, ты употребляешь это тайком!

Краска разом отхлынула от ее лица, даже в голове стало пусто, она испытала настоящий стыд, как если бы в лифте испортила воздух, а кто-то пристально бы на нее посмотрел. Она считала, что хорошо припрятала и сигареты, и лекарство, – все это добро она специально положила в его книжный шкаф, но, очевидно, такая тактика оказалась провальной. Она тяжело выдохнула.

– Слишком большая нагрузка, я принимаю это в микродозах и лишь от случая к случаю, чтобы ослабить тревожность.

– Почему бы не лечь в больницу? – Он принялся нервно

расхаживать взад-вперед, как будто принять успокоительное требовалось ему.

– У меня еще не настолько все плохо, – ответила она. – К тому же я вот-вот распутаю дело. Убийца оказался достаточно изощренным. Если же лягу в больницу, он точно соскользнет с крючка. Я с таким трудом вышла на него, не хочешь же ты, чтобы я его упустила?

– Тебе что дороже, здоровье или работа?

– Предыдущие два дела я раскрыла точно в таком же состоянии. Ты как литературовед наверняка помнишь, как о таланте отзывался Бальзак. Талант, говорил он, – это страшный недуг, он как жемчуг, который на самом деле является болезнью моллюска. Если мы возьмем таких гениев, как Эйнштейн, Ницше, Нэш, ван Гог, Пикассо, Бетховен, Толстой, Кафка, Хемингуэй, Линкольн, Черчилль и множество других им подобных, то все они в той или иной степени были психически больными, но это нисколько не мешало им добиться успехов в своей области. Другими словами, мое состояние тревожности или маниакальность, называй как хочешь, совершенно не мешает мне ловить злодеев, а может быть, даже и помогает.

– А почему бы не привести отрицательные примеры? Возьми того же Гитлера, ведь он тоже был психопатом!

– Я принимаю просто для профилактики, неужели у меня такой же серьезный случай?

– Если даже случай несерьезный, все равно надо обратить-

ся к врачу, или я все расскажу замначальника Вану. – Он неподвижно уставился на нее, словно сам только что принял дозу диазепама.

– Я могу развестись с тобой даже дважды, сначала один раз и потом – еще раз. Будет как в эссе Лу Синя «Осенняя ночь» – финиковое дерево, а потом еще одно финиковое дерево. Но если ты сохранишь это в тайне, я даже готова... – Она вынула из пачки сигарету и, не зажигая, сунула себе в рот. – Даже готова простить измену и не разводиться.

«Ну и ну, – подумал он, – да с твоими нервами совсем все плохо, если ты наш брак смешиваешь с работой. Такое ощущение, что поймать преступника для тебя куда важнее, чем сохранить семью».

– Да хоть бы и выбрала развестись – я все равно заставлю тебя сходить к врачу.

– Я тебе дала шанс, но, к сожалению, ты им не воспользовался. А ведь если бы захотел, то смог бы и воду в ладонях удержать. – С этими словами она выбросила сигарету и растерла ее на полу.

– Я в шансах не нуждаюсь, я лишь хочу, чтобы ты была здорова.

– Я лучше знаю свой организм.

– А вот это не факт, тут главное слово – врача.

На следующий день она вдруг изменила позицию и согласилась сходить с ним к психиатру. Фамилия у доктора была Мо, они вышли на него по рекомендации друга Му Да-

фу. Доктор Мо провел психодиагностический тест, по результатам которого Жань Дундун получила 96 баллов. Результаты по таким параметрам, как нетерпимость, дезинтеграция, демонстративное поведение, антисоциальность, пассивная агрессия, депрессия и т. п., у нее оказались средними, что говорило о том, что все эти симптомы совсем уж очевидных проявлений не имели. Слегка завышенными оказались лишь нарциссизм и маниакальность. Что до маргинальности, уклонения, зависимости и т. п., то эти показатели у Жань Дундун оказались и вовсе низкими. Иными словами, проявления данных качеств у нее отсутствовали.

Доктор Мо вынес вердикт:

– Никаких проблем с психикой у вас нет, ни в коем случае не принимайте таблетки просто так. Кто в наше время не испытывает стресса и живет без тревог? Мы уже и не мыслим себя без всех этих болячек современности типа афазии, бессонницы, социальных расстройств, приобретенной олигофрении, крайней экзальтации, агрессивности, рационализации, когнитивных расстройств, не говоря уже о фобиях и много-много чего еще...

Она слегка улыбнулась. Доктор Мо улыбнулся тоже.

В машине по дороге домой Му Дафу спросил ее:

– Как тебе удалось набрать столько баллов?

– Я знала, как именно следует отвечать.

Жань Дундун было приятно оттого, что ей подфартило, она была счастлива, словно школьница, которая на контроль-

ной угадала верный ответ. Ее лицо осветилось редкой за долгое время улыбкой. Му Дафу даже чуть было не поцеловал ее – давненько не появлялось у него таких побуждений. Да и она уже давно не выглядела столь милой.

– Раз у меня такой прекрасный результат, значит, я в состоянии контролировать свои эмоции. Перед приходом к врачу мы заключили пари, и ты сказал, что если доктор сочтет меня здоровой, то ты сохранишь все в тайне.

Впереди образовалась пробка, он бибикнул.

– Эй, ты на связи?

– Не заметила, что я мигаю? – откликнулся он, показав на включенный поворотник.

Глава 3

Проект

20

После опроса жителей микрорайона Баньшань выяснилось, что Ся Бинцин частенько заглядывала в «Студию культурных инноваций О». Это заведение располагалось в пятнадцатом подъезде дома №1 в микрорайоне Баньшань, его юридическим лицом являлся выпускник факультета креативного дизайна местного Института искусств У Вэньчао, который был старше Ся Бинцин на два года. Во второй половине дня Жань Дундун вместе с Шао Тяньвэем нанесли ему визит. У Вэньчао имел следующие характеристики: рост 158 см, худощавый, волосы зачесаны назад и уложены гелем, большие глаза, светлая кожа, сквозь которую просвечивают голубоватые сосуды, одет в костюм с галстуком, на ногах кожаные ботинки, любитель кофе, не курит. У Вэньчао рассказал им следующее:

– Впервые я увидел Ся Бинцин дождливой ночью два года тому назад, точную дату не помню, по времени это было примерно в двенадцать ночи, я как раз задержался на работе. Я выглянул в окно на звук подъезжающей машины и заметил

такси. Высадив ее возле входа в микрорайон, водитель тут же уехал прочь. Она согнулась и блевала аккуратно на лужайку, а проблевавшись, уселась прямо на землю, время от времени выкрикивая «отпад». Я взял зонт и направился к ней. Еще издали я почувствовал резкий запах алкоголя, она напилась вдрызги и вообще ничего не соображала, даже не могла вспомнить номер дома и квартиры. Я взял ее под руки, притащил в студию и усадил на стул, чтобы она протрезвела. В пять утра она продрала глаза, поморгала, уставившись в потолок, и, даже не поблагодарив, отправилась на выход. Такое ощущение, что со стула беззвучно поднялась ее душа и, пошатываясь, удалилась. Вот такой вот походкой... – Сказав это, У Вэньчао изобразил, как она шла. – Плечи высоко подняты, сложенные крестом руки крепко прижаты к груди. Согнув ноги в коленях, она вышла на цыпочках, словно боялась, что ее кто-то заметит. Я наблюдал за ней через окно до тех пор, пока она не скрылась из вида, мне все казалось, что это не она сама, а отделившаяся от нее душа, но стул был пуст, а вокруг него еще оставались мокрые следы от капель дождя.

Спустя месяц, в один из вечеров, примерно часов в десять, она вдруг вошла ко мне в студию и показала на кофемашину. Я приготовил для нее латте, потому что молоко хорошо выводит алкоголь. В тот вечер она снова оказалась поддатой, правда, самую малость. Выпив кофе, она, как и в прошлый раз, ничего не сказав, ушла, словно в обязанности окружающих входило всячески ей угодить. С тех пор

она появлялась где-то раз в десять дней или раз в полмесяца, в основном заходила по пути после каких-нибудь попок, чаще всего уже была под градусом, разница состояла лишь в кондиции. Я вдруг неожиданно приобрел привычку задерживаться допоздна. Ожидание превратилось в дополнительный пункт моей работы, и, если я ее не дожидался, мне казалось, что вечер прошел зря. Первые два раза она вообще не удостоила меня ни словом, даже имени не спросила. На третий раз она еле держалась на ногах – помнится, повисла на стуле, сняла с себя блузку и протянула ко мне руки, чтобы я ее вроде как пожалел. Я тогда ужасно смутился и тут же помог ей одеться обратно, чтобы она, протрезвев, не обвинила меня в домогательствах. Я бы с удовольствием составил ей компанию как собеседник, но к такому повороту дел был не готов. Она же, перешагнув барьер с раздеванием, начала тараторить без умолку. Особенно разговорчивой она становилась при средней степени опьянения, в такие моменты заткнуть ее было просто невозможно, казалось, даже поставь ей на рот молнию, и та разойдется.

– Она рассказывала вам о своей личной жизни? – спросила Жань Дундун.

– Это был ее конек, о некоторых мужчинах она заговаривала по меньшей мере по десять с лишним раз, такие истории что чай в пакетиках, заварил раз, заварил другой, уже и вкуса не чувствуешь, а все завариваешь. Спросите, почему она все это вываливала мне? Во-первых, чувствовала, что

никакого вреда я ей не причиню, никого из ее мужчин я все равно не знал. Во-вторых, от алкоголя у нее развязывался язык, поэтому едва она находила благодарного слушателя, то помимо своей воли начинала лить в его уши всякую дребедень. Ей требовалось облегчить душу, и, похоже, я был ее единственным слушателем. Чаще всего она произносила слово «отпад». Утопая в ее бесконечных монологах, я проникся тремя сферами употребления данного словечка: во-первых, это относилось к выпивке, во-вторых – к реальности, и в-третьих – к предвкушению будущего. Ощущала ли она «отпад», когда пила? Насколько я мог судить, ей, скорее, было больно, чем радостно, а если и радостно, то лишь самую малость и то только в нетрезвом состоянии. Был ли у нее «отпад» от реальности? На мой взгляд, она употребляла это слово в прямо противоположном значении, наподобие фейков. И только от предвкушения будущего она, как мне кажется, реально чувствовала «отпад», в смысле эйфории. Ее послушать, тот тип, насильно сделав ее любовницей, поставил ее в безвыходное положение, он словно изменил ее природу, отчего страдала каждая клеточка ее организма.

– Она делилась какими-то деталями насчет своего безвыходного положения? – спросила Жань Дундун.

– Говорила, что тот человек весьма хитер, она поняла это еще во время собеседования. Он нарочно не выбрал ее среди других, решив сперва усмирить ее гордыню, чтобы потом она с позиции проигравшей стала умолять его о рабо-

те. И действительно, пылая от гнева, она вернулась обратно со своим чемоданом и принялась наивно доказывать, что гораздо лучше отобранных кандидатов. Он же ответил, что хозяином компании является он, что отбор проходил на основе честной конкуренции, но даже если бы он набрал в команду скопище идиотов, это было бы его личным делом. Не желая мириться со своей участью, она уселась в номере, решив добиться справедливости. На это он заявил, что при открытых дверях никакого разговора у них не получится, но если двери закрыть, можно и договориться. Она испугалась и хотела было ретироваться, но он ее опередил – сам запер дверь, выключил свет, сгреб ее в объятия и овладел. В номере стояла крошечная тьма, ей даже показалось, что она умерла, она непрерывно колотила по стене, вопрошая, есть тут кто-нибудь? Только когда из коридора послышался чей-то смех, она поняла, что еще жива. Ей хотелось покинуть номер, но он ее не пускал. Едва она пришла в себя, то первой ее мыслью было сообщить обо всем в полицию, но он тут же дал слово, что разведется с женой и женится на ней. Только из-за этого она подавила мысль о полиции, точно так же, как только что он подавил ее самое, но чем дальше она эту мысль подавляла, тем сильнее та становилась, пока наконец не завладела ею целиком.

Кто же мог знать, что, предлагая контракт, он не только уберет фразу «сторона А обещает стороне В жениться», но, наоборот, – внесет в него пункт «запрещается разрушать се-

мью стороны А». Она спросила, почему он бросает слова на ветер? Он же ответил, что вовсе не обещал на ней жениться, что она ослышалась, пропустив мимо ушей частицу «не», даром что в ней целых две буквы, а без этой самой частички смысл многих слов становится прямо противоположным. Разозлившись, она разорвала контракт в клочья. Она чувствовала полную безысходность, ее разрушили, словно стену, которая не просто упала, а еще и развалилась на отдельные кирпичики. Он заново напечатал два экземпляра контракта и сказал, что раз она считает себя обманутой, то ей тем более следует подписать этот контракт. Он объяснил это так: «Ты, может, этого не знаешь, но я испытываю к тебе кое-какие чувства. Без контракта я не смогу себя контролировать. Он связывает не столько тебя, сколько лично меня». Она наконец поняла, что он принимает ее за несмышленную девчонку, которая верит в сказки. И тогда подавленная ею мысль об обращении в полицию проросла словно травка сквозь каменную плиту. Но поскольку с тех пор прошла уже целая неделя, никаких доказательств она представить не могла, в номере уже давно был наведен полный порядок, так что жалоба на него грозила обернуться позором на ее собственную голову. Она раскаивалась, что не сохранила улики, но не сохранила она их исключительно потому, что хотела как можно быстрее забыть обо всем, и именно это сыграло ему на руку.

Так что донести на него она не могла, но уступить тоже

не собиралась, а потому, стиснув зубы, подписала контракт. Она нуждалась в деньгах; кроме того, она хотела поддерживать с ним связь, чтобы потом или выйти за него замуж, или свести с ним счеты. Она рассудила так: «Раз уж он все равно перевернул все с ног на голову, то почему бы мне и не подписать эту лживую бумажку?» Страдания включают мозги, она словно одним махом повзрослела. Подписывая контракт, она хотела загнать себя в некоторые рамки правил, чтобы потом их разрушить – так же, как в свое время родители разрушили все ее планы на жизнь.

Устав разглагольствовать, У Вэньчао поднялся и заварил три чашки кофе – для Жань Дундун, Шао Тяньвэя и для себя. На вкус Жань Дундун, кофе оказался очень даже ничего, наслаждаясь напитком, она оглядывала помещение. Прежде всего она обратила внимание на стоящую рядом деревянную кушетку. Со слов У Вэньчао, Ся Бинцин всегда «висла» на стуле, но никак не «лежала»; из этого следовало, что кушетку он приобрел уже потом специально для ее удобства. Можно себе представить, сколько пьяных ночей она провела, бормоча на этой кушетке.

Рядом на стене было наклеено пять крупных постеров, рекламирующих акции студии, среди них особенно креативными Жань Дундун показались два. Один представлял рекламу путешествия, на нем с верхнего ракурса изображался в виде циферблата огромный карстовый провал. В центре циферблата находился канатоходец. Зажатый в его руке ба-

лансир, а также стальная проволока впереди и позади него имитировали часовую, минутную и секундную стрелки. Другой плакат рекламировал сахарные мандарины: на нем изображалось ветвистое, без единого листочка дерево, увешанное яркими плодами, каждый из которых напоминал аппетитную женскую грудь. Жань Дундун тут же вспомнился испанский художник-сюрреалист Сальвадор Дали, о котором ей как-то рассказывал Му Дафу. Дали напоминал шаловливого мальчишку, которому нравилось выкидывать нечто эдакое; единственное, чего он желал, – эпатировать публику. Неужели подобная склонность наблюдается и у хозяина студии, У Вэньчао? Надо бы потом это проверить.

Ее взгляд скользнул по наивному лицу У Вэньчао, после чего она повернулась к окну. До входа в микрорайон Баньшань было метров сто пятьдесят. При желании отсюда можно наблюдать за любым из соседей.

– Вечером семнадцатого числа прошлого месяца вы находились на работе? – спросила Жань Дундун.

– Да, – ответил он.

– Вы видели, как Ся Бинцин покинула микрорайон?

– Нет, она всегда старалась сделать это тайно. Иной раз, заметив, что она ждет машину, я ей махал, но она нарочно отворачивалась. Похоже, ей не хотелось, чтобы я видел, как она ждет машину, потому что иногда за ней приезжал тот самый мужчина. Она заходила на чашечку кофе только по вечерам, когда была одна, и чаще она уже была пьяна.

– Вы были знакомы с тем мужчиной?

– Не представилось случая.

– Как, по-вашему, Ся Бинцин действительно его ненавидела? Или со временем в ее отношении к нему наметились перемены?

– Меня тоже удивляла такая нестыковка, я даже специально спрашивал, почему после свиданий она едва не лопаается от обиды, но в следующий раз снова бежит к нему, не чуя под собой ног? Помнится, когда я спросил, она вся застыла, словно ее огрели по голове. Потом крепко закусила губы, словно сдерживаясь изо всех сил, чтобы не заплакать, но буквально через полминуты все же залилась слезами. «Знаешь кротов? – спросила она. – Всю жизнь проводят под землей, полностью слепые. От любого света у них тут же наступает сбой в нервной системе, из-за этого отказывают все органы, и они умирают». По ее словам, она напоминала крота, выражаясь иначе, у нее была «смертельная светобоязнь», кроме этого типа она не могла встречаться ни с кем другим. Родители, одноклассники и друзья считали, что она уехала работать в Пекин, поэтому она виделась с ними лишь по праздникам, когда якобы возвращалась домой. О своих отношениях с этим мужчиной она также никому не рассказывала, все их свидания напоминали встречи разведчиков, потому как они боялись, что их застукают прямо на месте преступления. Она ненавидела его и в то же время встречалась только с ним. Встречаясь, устраивала скандалы, а расставаясь –

скупчала. Иногда он казался ей дьяволом, а иногда – Богом. Противостоя ему, она считала его врагом, но противостоя всему миру, они превращались в напарников. Она не могла войти в эти отношения целиком, как и не могла из них выйти, а потому напоминала маленького зверька, упавшего в яму, зверька, который никак не мог выползти наружу, да- ром что старался изо всех сил.

Когда Ся Бинцин говорила, я старался лишь слушать и, по сути, превращался в огромное ухо, поэтому не перебивал и не лез с советами. Я боялся спугнуть ее, боялся, что она перестанет делиться самым сокровенным и замкнется в себе.

Услышав от У Вэньчао такие слова, Жань Дундун во- лей-неволей повнимательнее присмотрелась к молодому че- ловеку, она и подумать не могла, что этот сопляк способен так сильно кому-то сопереживать. Далее он признался, что, глядя на отчаянные слезы Ся Бинцин, он проникся к ней такой жалостью, что нарушил свое правило не перебивать и не давать советы. Он принялся говорить о том, что терпеть такую ситуацию один-два года еще можно, но чтобы поло- жить на это всю жизнь – надо иметь стальные нервы.

«И что же мне делать?» – спросила она. «Раз и наве- гда разорвать отношения или же как следует их отполиро- вать», – ответил я. Она сказала, что уже и сама думала на- чать жизнь с чистого листа. «Но я слишком изранена, я слов- но наполовину раздавленный муравей, которому под силу лишь копошиться на одном месте. Я так настойчиво добива-

лась возможности стать его женой, то угрожая, то совращая, но все без толку. Иной раз он проявлял чуточку душевного тепла, а потом становился холодным, словно камень». — «Он нуждается в тебе лишь частично, целиком ты ему не нужна, — убеждал я, — если тебе не хватит мужества разбить чан с водой, ты просто-напросто захлебнешься». — «Ты же дизайнер? Придумай для меня дизайн наших с ним отношений, я заплачу тебе, сколько скажешь». Я объяснил, что умею создавать дизайн только каких-то изделий, но никак не отношений. «Почему, — спросила она, — почему с малых лет меня постоянно учат, как уважать пожилых, как заботиться о детях, как любить свое дело, как помогать людям, как разбогатеть, делая добро, как служить своему народу, но при этом никто не учит, как строить отношения?» У нее еще никогда не случалось романов — в школе ее мучили экзаменами, устроившись на работу, она вкалывала сверхурочно, поэтому ее успехи в любви были равны нулю. Я со своей стороны пошутил, что мои успехи не дотягивают и до нуля, я даже ушел в минус. Успокоившись, она вдруг спросила, возможен ли в ее отношениях третий вариант: чтобы не выходить за него замуж и в то же время всю жизнь поддерживать отношения? Я ответил, что это зависит от того, насколько сильное у нее сердце. Тогда она задала другой вопрос: «А можно ли поддерживать отношения с ним и при этом самой выйти замуж за другого?» Я называл это апгрейдом и добавил, что в таком случае сердце у нее должно быть как минимум

стальным. «Ты веришь в вечную любовь?» – спросила она. Я сказал, что пока не готов рассуждать на эту тему. «Сейчас каких только отношений не бывает, – продолжала она – мужик с мужиком, женщина с женщиной, даже трансгендер с трансгендером, человек с андроидом, андроид с андроидом – словно в огромном супермаркете, ассортимент на любой вкус». Ей казалось, что общественный прогресс должен затрагивать и отношения людей, эти отношения изменяются, становясь, подобно вещам, все более разнообразными. За ее речами я уловил еле слышный намек на то, что она предпочтет найти тысячу причин успокоить себя, чтобы только не расстаться с тем типом.

«Не это ли называется стокгольмским синдромом, когда жертва попадает в зависимость от агрессора?» – подумала Жань Дундун.

– В тот вечер, – продолжал У Вэньчао, – мы, два профана, прикинулись знатоками и три часа подряд с чувством, с толком, с расстановкой говорили о любви. Все равно как если бы дилетанты обсуждали судебное разбирательство или тонкости бизнеса, или как какие-нибудь блогеры, которые бойко отвечали на любой вопрос, оставаясь неуязвимыми. Я даже сказал, что прочел несколько любовных романов, которые, вполне возможно, могли бы оказаться полезны и ей. Она тут же заинтересовалась и записала несколько названий прямо у себя на ладони.

Прошло достаточно много времени прежде, чем она снова

пришла ко мне – причем еще засветло и совершенно трезвая. Она сказала, что прочла три рекомендованных мною романа и пришла к выводу, что все мужики – сволочи. Будь то Жюльен, Вронский, Родольф или Леон Дюпюи, все они относились к женщинам как к игрушкам и в конце концов их бросили. «Я поняла, – сказала она, – что женщине ни в коем случае нельзя отдаваться страсти целиком, иначе ее обязательно обманут. Госпожа де Реналь, Анна Каренина или та же Эмма Руо – все до единой были обмануты. И самое главное – женщина не должна быть любовницей, иначе ее ждет ужасная смерть. И госпожа де Реналь, и Анна, и Эмма, – все они покончили с собой». Она спросила, не было ли у меня злого умысла, когда я рекомендовал ей такие книги? Я сказал, что хотел лишь, чтобы она не строила иллюзий в отношении мужчин. Она выпила три чашки кофе, долго о чем-то думала и наконец изрекла: «Любовница, которая не хочет стать женой, – не есть хорошая любовница».

– Она встретила с Шэнь Сяоин, – произнес У Вэньчао.

Жань Дундун тут же переглянулась с Шао Тяньвэем: оказывается, очень даже возможно, что Шэнь Сяоин им лгала.

– Она уже давно вынашивала мысль встретиться с его женой, но все как-то не решалась, боялась конфликта. Но как-то ранним утром в августе прошлого года она заглянула ко мне разодетая в пух и прах: длинное белое платье, на шее – дорогое ожерелье, слегка завитые волосы отливают золотом, золотистая сумочка, золотистые туфли на шпильке, в общем – шик, блеск, красота! Она сказала, что хочет повидаться с Шэнь Сяоин, и спросила, могу ли я ее подвезти. Я отшутился, сказав, что могу выступать лишь в роли слушателя. Тогда она вынула из сумочки пачку денег и аккуратно положила на стол. «Можно я тебя найму?» Я так же аккуратно взял деньги, ведь в таком случае я уже считался ее водителем, а не пособником.

По дороге я обмолвился, что за такие деньги она могла бы нанять тачку и пороскошнее. Но она пояснила, что в судьбоносный момент, который может повлиять на всю ее последующую жизнь, ей спокойнее было сесть в машину к знакомому человеку. Потом добавила: «Вдруг в случае скандала придется спешно убегать?» Я тут же ответил, мол, к чему тогда машина, развернулась да ушла. Она обиделась, пото-

му как считала, что, дав мне деньги, она могла рассчитывать на мою помощь.

По ее указанию я припарковался рядом с красным автомобилем на стоянке у детского сада номер три. Это был самый обычный автомобиль, примерно той же ценовой категории, что и мой. И время, и место она рассчитала тюtelька в тюtelьку, что наверняка требовало долгой подготовки. В девять двадцать из ворот детского сада вышла Шэнь Сяоин. Одетая по-простому, она шагала, погруженная в себя, словно хотела как можно скорее раствориться в толпе. Хотя ее прикид в сравнении с прикидом Ся Бинцин был совершенно несоизмерим, я сразу понял, что Ся Бинцин проиграла. Ся Бинцин облачилась в вечернее платье, которое никак не сочеталось с этой стоянкой. А ведь перед выходом я еще хотел ей подсказать, что ее козыри – это молодость и энергия, поэтому лучше придерживаться стиля кежуал или надеть что-то спортивное. Если бы она выбрала для себя тот же образ, что и героиня французского фильма «Любовник», то сердечко у Шэнь Сяоин наверняка бы екнуло. Но мне не хотелось лишний раз капать ей на мозги, поэтому все свои соображения я сглотнул, словно слюни. Ей бы все равно не понравились мои советы, как и большинству людей, которые не любят слушать других. В девять двадцать пять Шэнь Сяоин подошла к своему красному авто. Тогда Ся Бинцин открыла дверцу машины и шагнула ей навстречу. Шэнь Сяоин повернула к ней голову, всем видом выказывая удивле-

ние. Ся Бинцин назвала ей свое имя и сказала, что хочет поговорить. Шэнь Сяоин открыла машину и пригласила ее сесть. Ся Бинцин протиснулась на задний ряд, Шэнь Сяоин заняла водительское кресло. Они разговаривали минут пятнадцать. Потом Ся Бинцин вышла, а Шэнь Сяоин поехала по своим делам. Ся Бинцин еще минут десять стояла как вкопанная, словно переваривая полученную информацию. Я открыл окошко и окликнул ее, она медленно подошла и ни слова не говоря села в машину. На всем пути до микрорайона Баньшань она продолжала хранить молчание.

«Почему же Шэнь Сяоин никак не обезопасила себя от Ся Бинцин? – размышляла Жань Дундун. – Это говорит о том, что, зная о ее существовании, она понимала, что именно та из себя представляет. Она узнала Ся Бинцин, что наверняка также требовало долгой подготовки. В то же время на допросе Шэнь Сяоин открыто заявила, что не знакома с Ся Бинцин. Похоже, мы ее недооценили».

– Ся Бинцин рассказывала, о чем они говорили?

– Сперва нет, я тоже ее про это не спрашивал. После того случая она не появлялась в студии около месяца. Но спустя какое-то время, еле держась на ногах, она пришла. Я по обыкновению заварил ей кофе, и вот тогда она спросила, хочу ли я узнать, что за разговор тогда состоялся тогда между ними. Я покачал головой, давая понять, что уважаю ее тайну. Но она сказала, что я должен это услышать, потому как меня ждет интересное предложение. Не дождавшись

моей реакции, она открыла на телефоне файл с записью их разговора. Я и подумать не мог, что эта наивная дуреха может втихаря проверить такое дело.

– У тебя осталась эта запись? – спросила Жань Дундун.

– Нет.

– Помнишь ее содержание?

Он посмотрел в окно и вдруг закрыл лицо, скрывая накатившие на глаза слезы. «Наверное, – подумала Жань Дундун, – увидел вход в микрорайон и вспомнил про Ся Бинцин; именно туда чаще всего упирался его взгляд. Как говорится, глядя на вещь, вспоминаешь о хозяине. А может, вспомнил тот разговор, который вызывал не самые приятные чувства».

– Зерна привозные? – спросила Жань Дундун, попробовав кофе.

Он кивнул.

– Сначала были наши, но, когда завсегдаем моей студии стала Ся Бинцин, я перешел на привозные. – С этими словами он опустошил сразу половину своей чашки.

– Что ж, продолжим. – Жань Дундун выжидающе посмотрела на него.

– Я помню только суть разговора, не гарантирую, что воспроизведу его слово в слово, но смысл от этого не пострадает. Первой разговор начала Ся Бинцин. Она спросила Шэнь Сяоин, знает ли та о ее связи с Сюй Шаньчуанем. Шэнь ответила, что Ся Бинцин не первая, кто явился устраивать разборки. «И какая же я по счету?» – поинтересовалась

Ся. «Это тебе лучше спросить у него, но наверняка все его страсти не поместились бы даже за большим столом. Как минимум для этого пришлось бы задействовать целую аудиторию». – «И кто же они?» – спросила Ся. «Даже я, его законная жена, не могу взять этот процесс под контроль, думаешь, тебе это будет под силу?» – «Ну и сволочь, не удивительно, что он вечно ссылается на занятость, оказывается, он просто выбирает, с кем бы ему переспать». – «Мужские измены – это своего рода дипломатия, чем больше народу, тем лучше, а все для того, чтобы как можно шире распространить свой генофонд», – откликнулась Шэнь. «Почему ты с ним не разведешься?» – удивилась Ся. «А где гарантия, что он не испортит жизнь другим?» – «Кстати, он обещал жениться на мне», – тут же отреагировала Ся. «А мне он обещал, что всегда будет любить только меня». – «Но он меня изнасиловал», – сообщила Ся. «Изнасилование может быть признанным, только если оно доказано, иначе это называется роман на стороне», – заметила Шэнь. «Неужели тебе все равно, что ты у него не единственная?» – осведомилась Ся. «Ты же не я, почему тебе знать, что мне все равно?» – «Во время каждой нашей ссоры он говорит, что как только ты дашь добро на развод, он сразу женится на мне», – сказала Ся. «Этот человек всегда перекладывает ответственность на других. Неужели ты думаешь, что он пойдет на развод? Я ему родила двух милых деток, каждый день, что служанка, ухаживаю за ним, и при этом не контролирую его личную

жизнь. Сможешь ли обеспечить ему такие условия ты?» – спросила Шэнь. «Не смогу, – призналась Ся. – Но если ты его не контролируешь, то значит, потакаешь ему». – «А смогла бы ты подцепить его, если бы я его контролировала?» – спросила Шэнь.

После этого они несколько секунд молчали.

«Я его не контролирую, потому что это без толку, это все равно что давать советы тому, кто не в состоянии их принять, – чем больше советов вы даете, тем большее раздражение они вызывают. К тому же я понимаю, что всю жизнь любить лишь одного человека невозможно», – продолжила Шэнь. «Но если я подам на него в суд, вам все равно придется развестись», – пошла ва-банк Ся. «А у тебя есть доказательства?» – снова спросила Шэнь. «Если бы у меня их не было, я бы не пришла», – ответила Ся. «Для начала скажу, что совершенно не против твоего доноса, но даже если ты выиграешь дело, на мою жизнь, на мое настроение это не повлияет никак. А вот ты должна четко осознавать, почему у тебя, в отличие от тех, кто зарабатывает деньги честным путем, есть возможность носить такие шикарные вещи. Не потому ли, что тебя спонсируют? И потом, что выиграешь лично ты? Поток денег тут же иссякнет, репутация будет испорчена, наслаждаться его обществом ты больше не сможешь». – «Мне теперь даже жить не хочется, а на остальное тем более наплевать», – заявила Ся. «Говоришь – жить не хочется? Так все мы в конце концов смертны. А то, что

ты шантажируешь его своей смертью, означает лишь то, что тебе нужно гораздо больше. Это лишь на словах ты не хочешь жить, на самом же деле ты хочешь этого как никто другой. Ты пришла лишь для того, чтобы сцепиться со мной, причем заранее зная, что ничего от меня не получишь. У нашей схватки может быть лишь два исхода: или я пошлю тебя подальше, или ты получишь хоть какое-то душевное удовлетворение. Ты совершенно не осознаешь, что не хочешь выходить за него замуж. Он не тот человек, выходки которого ты готова терпеть. Пытаясь женить его на себе, первое, что ты собираешься сделать, – это бросить его, а то и предать. Тебе невдомек, что на самом деле ты хочешь помучить саму себя. И тем более ты не осознаешь, что не можешь простить его прежде всего потому, что не можешь простить саму себя. В том, что он тебя изнасиловал, есть и твоя вина – ведь ты могла убежать, другими словами, сама напросилась. А теперь, чтобы облегчить свою ношу, ты продолжаешь раздувать вину других».

Между ними вновь повисло молчание.

«Ты даже не представляешь, какой он подонок, – продолжила Ся, – на твоём месте я бы с ним уже давно развелась». – «А тебе-то самой зачем такой подонок?» – поинтересовалась Шэнь. Ся не нашлась с ответом. «Допустим, я с ним разведусь, и что? Как говорится, от перемены мест слагаемых сумма не меняется, после женитьбы на тебе он точно так же будет портить твою жизнь или чью-то еще. Пускай уж лучше

пострадавшая останется одна. Секрет нерушимого брака состоит во взаимном соответствии друг другу, и ни в чем больше. Если ты умная, то не проси жениться, проси деньги». – «Но разве его деньги – и не твои тоже?» – удивилась Ся. «Все равно он сорит деньгами направо и налево, так пусть уж лучше тратит их на тебя, по крайней мере, лично мне ты симпатична». – «Раз ты так свободно смотришь на брак, то разведись с ним, позволь мне, мечтательнице, покомандовать им хотя бы несколько лет», – настаивала Ся. «Я бы с удовольствием, – откликнулась Шэнь, – нужна лишь его подпись, но я знаю, что ему будет очень жаль со мною расстаться. Людей привязывает друг к другу не физическая, а духовная близость. То, что можно купить за деньги, никогда не приобретешь за чувства. Я знаю, что твое решение встретиться со мной – не его идея. Узнай он про это, тотчас отвернулся бы от тебя на сто восемьдесят градусов, не веришь – проверь».

– После этих слов, – произнес У Вэньчао, – Ся Бинцин надолго погрузилась в молчание, я даже подумал, что запись на этом закончилась, но потом их диалог продолжился. Они еще долго несли всякую чушь, то и дело прерываясь на паузы, ничего другого я больше не запомнил, а самое основное передал практически дословно. Пока я слушал рассуждения Шэнь Сяоин, у меня так стучало в висках, что казалось, кожа вот-вот лопнет. Ее трезвый взгляд на вещи и абсолютная невозмутимость вызывали симпатию, так могла рассуждать

лишь женщина, которая по-настоящему знает толк в любви. По сравнению с ее аргументами наши с Ся Бинцин домыслы выглядели как детский лепет, даром что как-то раз мы обсуждали эту тему битых три часа. Предполагаю, что именно такое впечатление Шэнь Сяоин произвела на Ся Бинцин, иначе, уже попрощавшись с ней, она не стояла бы как вкопанная еще несколько минут и не молчала бы всю дорогу обратно.

– Во время этого разговора Ся Бинцин упомянула, что у нее имеются доказательства, что Сюй Шаньчуань ее изнасиловал. Но до этого ты говорил, что она раскаивалась в том, что не сохранила никаких улик. Имелись у нее все-таки доказательства или нет? – спросила Жань Дундун.

– Не знаю, каждый раз она говорила по-разному. Возможно, она просто запугивала Шэнь Сяоин.

– То есть, по-твоему, она ее просто запугивала?

– Вы же тоже поступаете так, когда занимаетесь расследованием.

– О каком интересном предложении говорила Ся Бинцин?

– Она показала мне банковскую карту, сообщила ее код и сказала, что на ней лежит сумма, достаточная для покупки автомобиля среднего класса. От меня же требовалось разработать дизайн-проект, который бы помог ей выйти замуж за Сюй Шаньчуаня.

– Ты принял ее предложение?

– Хотя в любовных делах я человек неопытный, я пони-

маю, как заключаются браки. Это дело требует обоюдного согласия, такое нужно обустраивать самолично, не прибегая к помощи других. Она же, будучи под градусом, начинала хвататься за соломинку. Я эту карту не взял, и это ее разочаровало. Слава богу, что я отказался, иначе, протрезвев, она маялась бы, пытаясь забрать ее назад.

– Тебе нравилась Ся Бинцин?

– Мне нравилось с ней болтать.

– У вас были с ней физические контакты?

– Если бы они были, разве делилась бы она со мной самым сокровенным? – холодно усмехнулся У Вэньчао, и в этой его усмешке проскользнуло некоторое сомнение.

Их разговор длился до тех пор, пока У Вэньчао не рассказал все, что хотела услышать Жань Дундун.

Шао Тяньвэй предложил снова допросить Шэнь Сяоин. Жань Дундун колебалась, она понимала, что, исходя из тех материалов, которые в настоящее время имелись у нее на руках, она вряд ли получит из уст Шэнь Сяоин ценную информацию, однако, походив по кабинету взад-вперед и пораскинув мозгами, она все-таки согласилась. Этому приему – принимать решение, прохаживаясь взад-вперед, она научилась у своего мужа. Неожиданно ей захотелось встретиться с Шэнь Сяоин, причем эта мысль звучала все настойчивее. Ей показались любопытными ее соображения касательно любви, и пускай полностью она их не разделяла, нечто подобное проскальзывало и в ее мыслях, и только потому, что взгляд на мир у нее был слишком правильным, подобные идеи в ее голове не уживались.

Шао Тяньвэй доставил Шэнь Сяоин в подразделение угрозыска. Та выглядела превосходно: на щеках – здоровый румянец, энергия бьет через край, одета в украшенную кружевом белую футболку с V-образным вырезом-стойкой, серые джинсы и белые кроссовки известного бренда. Этот образ дополнялся яркой деталью – кольцом с крупным бриллиантом на безымянном пальце левой руки.

«Видимо, хочет показать, что замужем», – подумала Жань Дундун, приветствуя ее.

– Появилась информация, мы хотели бы ее проверить.

– Да, конечно, – откликнулась Шэнь Сяоин.

– Из других источников нам стало известно, что Ся Бинцин все-таки с вами встречалась, однако вы уверяли нас, что с ней не знакомы.

– А вы красавица, – последовал ответ.

«Что бы это значило?» – приятно удивившись, подумала Жань Дундун.

– То есть хотите узнать, говорила я тогда правду или вра-ла? – уточнила Шэнь Сяоин.

– Разумеется, вы ввали, потому как я далеко не красави-ца, как вы только что сказали, – парировала Жань Дундун, невольно поправляя прическу.

– Неужели вы полагаете, что такого рода ложь может быть вредна? Иной раз ложь может быть и во благо, точно так же врач дает надежду неизлечимо больному. Сказав, что не зна-кома с Ся Бинцин, я лишь пыталась избавить себя от раз-говоров о ней. Кроме того, мне не хотелось перетряхивать грязное белье. Признаю, этот момент я от вас скрыла.

– Но вы нас дезинформировали. Может, вам кажется, что одурачить нас проще простого?

– Простите, я думала только о себе и совсем упустила из виду, что у вас тоже есть определенная миссия. Обещаю, что начиная с этого момента буду рассказывать все, что знаю, ничего не утаивая.

Жань Дундун включила запись разговора с У Вэньчао, ту

самую его часть, в которой он воспроизводил диалог Шэнь Сяоин и Ся Бинцин. Шэнь Сяоин слушала очень внимательно, стараясь не пропустить ни слова. Прослушав запись до конца, она тихонько сказала:

– Вот ведь дуреха, ладно бы просто сделала запись, так еще и кому-то дала послушать. Видимо, потерять лицо один раз ей было недостаточно.

– Он точно передал ваш разговор? – спросила Жань Дундун.

– Он опустил самое главное – Ся Бинцин мне угрожал. Она сказала, что если не сможет выйти замуж, то подаст на Сюй Шаньчуаня в суд, а если не удастся привлечь его к ответственности, она его устранил. Я еще удивилась и спросила: мол, вы же спите вместе, неужели вражда еще не иссякла? Она на это ответила, что для нее важно не сколько они трахались, а качество их отношений, ее волновали репутация и смена статуса. После свадьбы она готова была даже сразу развестись, но в таком случае она бы все равно получила свою долю уважения. По ее словам, когда он ее изнасиловал, то умолял не обращаться в полицию, и она согласилась; когда они подписывали контракт, он просил не вносить пункт о женитьбе, и она снова согласилась; поэтому теперь ее замужество целиком и полностью зависело от меня.

– И что вы ей ответили?

– Я была лаконична и просто сказала «вон». Она вылезла из машины и со всей дури хлопнула дверцей, точно вместо

машины хотела ударить меня.

– Вы рассказали об ее угрозах Сюй Шаньчуаню?

– Нет, я никогда не вмешивалась в его личную жизнь, и это одна из причин, по которым он меня любит.

– Пожалуйста, вспомните хорошенько, может, все-таки рассказали? – Жань Дундун повторно задала свой вопрос.

Шэнь Сяоин понимала, что каждый из таких повторно заданных вопросов представлял для Жань Дундун особую важность. Выдержав паузу, она сказала:

– Правда нет.

Жань Дундун ей не поверила. О такой серьезной угрозе Шэнь Сяоин должна была непременно предупредить мужа, как минимум она могла посоветовать Сюй Шаньчуаню принять хоть какие-то меры предосторожности; более того, при таком раскладе ей бы запросто удалось рассорить любовников. Жань Дундун замолчала, тем самым показывая, что не удовлетворена ответом. Шэнь Сяоин оставалась непоколебимой – ни дать ни взять послушная школьница в ожидании следующего вопроса экзаменатора. Тогда Шао Тяньвэй напомнил Шэнь Сяоин, что лучше всего выкладывать всю информацию сразу, чтобы потом ее не обвинили в сокрытии сведений. Она пообещала рассказывать все, что ей известно, но выдумывать то, чего не было, она не собирается. Жань Дундун обратила внимание на то, что каждый из ответов им приходилось выдавливать из Шэнь Сяоин, словно зубную пасту из тюбика, при этом давить следовало хоро-

шенько, иначе ничего из нее не выходило.

– Двух других любовниц Сюй Шаньчуаня вы тоже знаете, хотя раньше отрицали и это. Похоже, ложь для вас – это норма, – заметила Жань Дундун.

– Я встречалась только с Ся Бинцин, так что с остальными не знакома.

– Но в разговоре с Ся Бинцин вы сказали, что она не первая, кто пришел устраивать разборки, если речь не о Сяо Лю и Сяо Инь, то о ком еще?

– Я это сочинила. Не хотела, чтобы она обольщалась, вот и сказала, что у Сюй Шаньчуаня любовниц много. Если бы я принялась знакомиться со всеми его любовницами, это бы означало, что я хочу с ним развестись, так с чего бы мне самой ворошить осиное гнездо? Пока глаза не видят, так и душа не ведает.

Такой ответ выглядел вполне убедительно, Жань Дундун поверила.

– Ся Бинцин сказала, что имеет доказательство того, что Сюй Шаньчуань ее изнасиловал. Мы хотели бы уточнить этот момент.

– Она не говорила ни о чем конкретном... Скорее всего, никаких доказательств у нее не было, иначе она бы уже давно заявила на Сюй Шаньчуаня, – ответила Шэнь Сяоин.

Тут Жань Дундун посмотрела на украшенную кружевом футболку Шэнь Сяоин, и ее осенила блестящая мысль.

– Тогда я вам немного напомним, – сказала она. – У дока-

зательства Ся Бинцин имелась ажурная окантовка, подумайте еще.

– Но она правда не вдавалась ни в какие подробности, – удивленно нахмутив брови, ответила Шэнь Сяоин.

– Почему же она рассказала про это У Вэньчао?

– Это за пределами моего понимания.

– Вы сказали, что Ся Бинцин вполне могла убежать от Сюй Шаньчуаня, когда тот собрался ее изнасиловать. Откуда у вас такие сведения?

– Просто проанализировала ситуацию. С таким доходягой, как Сюй Шаньчуань, по силам справиться любой мало-мальски здоровой девушке.

– А может, вам об этом рассказал сам Сюй Шаньчуань?

– По-вашему, изнасиловав девушку, он потом спокойно рассказал об этом мне? Это каким же толстокожим надо быть? Когда я говорю «изнасиловал», я не думаю, что он действительно ее изнасиловал. Он не испытывает недостатка в женщинах, к чему ему так рисковать?

– Может, это у него в крови? Вы же говорили, что Сюй Шаньчуаню в принципе нравятся женщины, почему у него с ним такая привязанность?

– Разве не все мужчины в этом одинаковы?

– Вы имеете в виду всех-всех?

– А что, бывают исключения?

– Прежде чем выйти замуж, вы знали о таких наклонностях Сюй Шаньчуаня?

– Если бы знала, то уж не вышла бы за него.

– Но ведь вы изучали психологию, неужели этого невозможно было заметить?

– До свадьбы он был мне верен. Скорее всего, он начал изменять, когда я ждала первого ребенка. Когда мы еще только встречались, я заметила, что из-за своей внешности он немного страдает комплексом неполноценности. Однако мне казалось, что при надлежащем подходе этот комплекс может перерасти в скромность, что, кстати, подтверждается установленными в его компании правилами. Уже тот факт, что его работники получают вознаграждение за высказывание собственного мнения, говорит о том, что он весьма толерантен. Я полюбила Сюй Шаньчуаня за его душу, но, когда вы показали мне фотографии его любовниц, я поняла, что комплекс неполноценности он так в себе и не изжил, соответственно, самоутверждается он за счет женщин.

– Сто процентов так, – невольно вырвалось у Жань Дундун. – Располагаете ли вы другой информацией, связанной с этим делом?

– Я и так уже достаточно всего рассказала, причем такого, что не имеет отношения к делу.

Итак, ничего нового они бы сейчас от нее все равно не узнали. Когда Шэнь Сяоин уже собралась было на выход, Жань Дундун решила ее снова проверить и предложила:

– Вас подвезти?

К ее удивлению, Шэнь Сяоин тут же оттаяла, ее ничуть

не испугала перспектива остаться в машине наедине с Жань Дундун. Она практически молниеносно приняла предложение и при этом еще и расплылась в улыбке. И даже если Жань Дундун допускала, что эта улыбка фальшивая, на душе у нее стало спокойнее.

Жань Дундун села за руль, Шэнь Сяоин устроилась на соседнем кресле. Проезжая мост через озеро, обе они кинули взгляд на отель «Ланьху» – место, где частенько устраивали свидания Ся Бинцин с Сюй Шаньчуанем и где, как подозревалось, тот ее изнасиловал. После того как обе одновременно посмотрели в одну и ту же сторону, Шэнь Сяоин почуяла, что теперь у Жань Дундун появилось психологическое преимущество, но она не знала, что это был тот же самый отель, в котором втихаря от Жань Дундун снимал номер ее муж, Му Дафу.

– Ваш муж тоже изменял? – спросила вдруг Шэнь Сяоин.

Жань Дундун вздрогнула, да так сильно, что, казалось, даже машина дернулась. Оставив вопрос без ответа, она поинтересовалась:

– Почему вы спрашиваете об этом?

– Судя по вопросам, что вы задавали, я поняла, что изменял.

– Вы слишком самоуверенны, – откликнулась Жань Дундун.

– Кто тут самоуверен, так это вы, – произнесла Шэнь Сяоин. – Вы никому не доверяете, подозреваете всех подряд

и вообще переоцениваете свои способности. Все происходящее вы считаете не иначе как «заговором», поэтому относитесь ко всем слишком настороженно и даже враждебно. Еще при первой нашей встрече мне показалось, что вы страдаете паранойей, и сегодня я в этом лишний раз убедилась. К чему женщине так рвать себя на куски? Так и в психушку загреметь недолго.

Жань Дундун не могла не восхититься ее проницательностью, но, не желая, чтобы над ней одержали верх, спросила:

– Так вам и правда все равно, что Сюй Шаньчуань изменяет?

– Я давно уже отношусь к этому спокойно.

– Это все равно что качаться на доске: не может быть, чтобы вы позволили ему спокойно перевесить доску. Ваши семейные качели выглядят вполне уравновешенно, это значит, что лично вы наверняка храните какую-то большую тайну, которую я еще не разгадала.

– Ну что ж, попытайтесь ее разгадать, – неожиданно рассмеялась Шэнь Сяоин.

– Настанет день, когда вся правда вылезет наружу, – откликнулась Жань Дундун.

Через три дня вечером Сюй Шаньчуань тайно встретился в бассейне с У Вэньчао. От У Вэньчао Жань Дундун узнала, что Сюй Шаньчуань искал его, чтобы выяснить, о каком доказательстве изнасилования говорила ему Ся Бинцин. Разумеется, У Вэньчао ничего не знал. Такова была стратегия Жань Дундун: применив ее, она прояснила сразу три вопроса: 1) Сюй Шаньчуаня беспокоит наличие доказательства, это означает, что изнасилование все-таки имело место быть; 2) вопреки заверениям Шэнь Сяоин, она-таки обсуждает с мужем новости касательно Ся Бинцин; 3) У Вэньчао обманывал, когда говорил, что не знаком с Сюй Шаньчуанем.

Когда У Вэньчао понял, что его раскусили, то от испуга крепко вжал голову в плечи, словно иначе она бы не удержалась на шее. Зажав руки между коленями, он трясся как осиновый лист.

– Ты слышал, чтобы на той записи Ся Бинцин угрожала Шэнь Сяоин? – спросила его Жань Дундун.

– Слышал. Она сказала, что, если ей не удастся засудить Сюй Шаньчуаня, она его убьет.

– Почему ты это утаил?

– Я все-таки не смог отказаться от денег, что предложила мне Ся Бинцин. Она пододвинула карту ко мне, я отодвинул обратно, так мы и двигали ее туда-сюда, пока та не рас-

калилась. Ся Бинцин поставила условие: или я придумаю дизайн-проект, как женить на ней Сюй Шаньчуаня, или я придумаю, как его кокнуть. Я чуть штаны не обмочил от страха, а она знай себе попивает кофе, нормальная такая просьба – будто просто попросила почистить для нее яблочко. В душе мне хотелось взять эти деньги, потому как студия больших доходов не приносит. Я действительно нуждался в деньгах, но сказать открыто об этом не мог. Я понимал: стоит мне согласиться, как все наши доверительные беседы вмиг прекратятся и мы превратимся в обычных партнеров, став «стороной А» и «стороной В». А ведь я всегда ценил именно эту простую болтовню, которую даже стал воспринимать как часть духовной жизни. Плюс ко всему моей собеседницей была весьма хорошенькая девушка, которая по целому ряду пунктов меня превосходила. Раскрыть ей свою симпатию я не решался, впрочем, она даже и не воспринимала меня как потенциального ухажера. Именно данное обстоятельство и сформировало наше бесприбыльное общение. Она считала меня ухом, а я ее – ртом. Но если уж говорить начистоту, то каждый из нас свою выгоду все-таки получал. К примеру, мне всегда было радостно просто смотреть на нее, а ведь радость – это тоже своего рода выгода. Она же, выговариваясь, изливала свою тоску, а когда есть куда выплеснуть дурное настроение – что это, как не выгода? Все страны мира ищут другие страны для утилизации своих отходов. Если всем при этом хорошо, тогда можно ве-

сти речь о взаимной выгоде. Душевное успокоение невозможно обменять на деньги, но и купить за деньги его тоже нельзя. И если смотреть на вещи с этой точки зрения, надо признать, что, говоря о бесприбыльном общении, я лукавил. А может, в этом мире бескорыстных отношений и вовсе не существует. Итак, психологически я созрел, чтобы взять деньги, но в последнюю секунду мое сердце екнуло, и я отбросил эту мысль, ведь я бы все равно не справился с таким заданием, будь то проект свадьбы или убийства. Я сказал, что карту не возьму, возьму только наличные. То была просто отговорка, чтобы дать ей время остыть, я был уверен, что она обязательно передумает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.